

М. А. КРОНГАУЗ

СЕМАНТИКА

Допущено

*Министерством образования и науки Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Теоретическая и прикладная
лингвистика» направления подготовки дипломированных специалистов
«Лингвистика и новые информационные технологии»*

2-е издание, исправленное и дополненное

УДК 800(075.8)
ББК 81я73
К834

Рецензенты:

кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *А. Е. Кибрик*); доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общего и теоретического языкознания Института языкознания РАН *Т. Е. Янко*

Кронгауз М. А.

К834 Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с. ISBN 5-7695-2016-7

В учебнике семантика рассматривается как лингвистическая дисциплина, изучающая значения языковых единиц, их функционирование в языке и речи. Лингвистическая семантика обсуждается в контексте смежных с ней дисциплин: прагматики, теории речевых актов и др.

Наряду с основным адресатом — студентами-лингвистами — может быть рекомендован широкому кругу специалистов в области филологии и философии.

УДК 800(075.8)
ББК 81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Кронгауз М. А., 2005
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2005
ISBN 5-7695-2016-7 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2005

Сестра Женя, которой было тогда двенадцать лет, катала меня, как куклу, в плетеной колясочке на деревянных колесах. В это время зашел котенок. Увидев его, я выпучил глаза, протянул руки и явственно произнес:

– Кыс, кыс!

По преданию, первое слово, сказанное Державиным, было — Бог. Это, конечно, не в пример величественной. Мне остается утешаться лишь тем, что вообще

есть же разность

между Державиным и мной, —

а еще тем, что в конце концов, выговаривая первое слово, я понимал, что говорю, а Державин — нет.

В. Ходасевич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предполагаемый адресат этого учебника — студенты-лингвисты. Соответственно и основной предмет обсуждения в первую очередь лингвистическая семантика. В принципе можно было бы содержательно обосновать ее особое место и важность среди прочих «семантик», но достаточно ограничиться констатацией самого факта, подкрепив его лишь следующим рассуждением. Семантика — наука о значении, и поэтому, безусловно, часть науки о языке, о языке в узком, в широком, в каком угодно смысле этого слова. Открывая любую книгу о языке (например, книгу под названием «Язык»), читатель по умолчанию ожидает именно лингвистического исследования, хотя в действительности этот феномен интересует представителей разных наук, и такая книга могла бы быть, например, философской или психологической монографией или даже просто романом. Все это относится и к семантике. Иначе говоря, книга под названием «Семантика», оказавшись лингвистической по сути, по крайней мере, не обманет читательские ожидания.

Итак, **семантика** понимается в дальнейшем как лингвистическая дисциплина, изучающая план содержания языка в целом, значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи.

В самой лингвистике семантика занимает совершенно особое место, поскольку, с одной стороны, пронизывает все языковые уровни, а с другой стороны, связывает лингвистику с такими науками, как философия, логика, психология, семиотика и др. Термин «семантика» существует в рамках разных наук и при этом

понимается всякий раз по-своему. Корректное его употребление предполагает достаточно широкое знакомство с этими науками и учет своеобразия философской, логической и прочих семантик. Таким образом, хотя в настоящем учебнике речь прежде всего идет о лингвистической семантике, с необходимостью затрагиваются и различные связанные с ней дисциплины, в том числе и из других областей знания.

Этот учебник написан при финансовой поддержке Института «Открытое общество», которому я выражаю искреннюю признательность. При поддержке данного Института в рамках программы «Высшее образование» в 1999—2001 гг. изданы и другие лингвистические учебники; некоторые из них можно рекомендовать при изучении семантики: «Введение в психолингвистику» А. А. Залевской (1999), «Основы психолингвистики» А. А. Леонтьева (1999), «Общая морфология. Введение в проблематику» В. А. Плунгяна (2000), «Лингвистическая семантика» И. М. Кобозевой (2000) и др.

В заключение я хочу сказать о близких, друзьях и коллегах, в той или иной степени способствовавших созданию этой книги. В процессе ее написания постоянную помощь и поддержку мне оказывала моя жена Мария Бурас. Я хочу поблагодарить рецензентов первого издания книги П. Б. Паршина и А. Д. Шмелёва за ценные замечания. Особой благодарности заслуживают Л. Л. Фёдорова, Н. Т. Валеева и В. В. Глебкин, внимательнейшим образом прочитавшие уже вышедшую книгу. Их дружеская критика помогла мне устранить как очевидные опечатки, так и содержательные недостатки первого издания. За техническую помощь в подготовке второго издания я хотел бы поблагодарить также Н. Т. Валееву (ее организовавшую) и моих студентов Ольгу Филипук, Александра Беляева и Алексея Товчигречко (ее осуществивших).

Основную работу по подготовке второго издания я провел, находясь в качестве приглашенного профессора на кафедре русского языка и славистики университета «Стендаль» г. Гренобля. В связи с этим хочу выразить свою признательность коллегам, создавшим мне благоприятные условия для работы и в разной мере помогавшим в ней: Александру Бурмейстеру, Изабелли Депре, Людмиле и Клоду Каствлерам.

Наконец, я хотел бы поблагодарить моих друзей и коллег, постоянное общение с которыми было и остается для меня важным стимулом для научной деятельности вообще и написания этой книги в частности: Т. В. Базжину, А. В. Дыбо, А. А. Зализняк, Г. Е. Крейдлина, Е. В. Муравенко, В. А. Плунгяна, В. И. Подлесскую, Е. В. Рахилину, Л. Л. Фёдорову, И. А. Шаронова, Е. Я. и А. Д. Шмелёвых, Т. Е. Янко.

ВВЕДЕНИЕ

0.1. О названии науки и ее истории

Семантика (от греческого *sēmaínō* ‘означать’ и *sēmanticós* ‘означающий’) — наука о значении. Сказать точно, когда она зародилась, как и про многие другие науки, невозможно. Размышления о значении и функции языка характерны для любого философского направления, вообще интересующегося языком. Поэтому часто истоки семантики находят в древнегреческой философии. Так, Х. Кронассер свой очерк истории семантики, наиболее подробный и по сей день, начинает с софистов и Платона, за которыми следует обязательный Аристотель (Kronasser 1952)¹. Однако с не меньшим основанием можно усмотреть семантические идеи и в китайской философии (моизм, минцзя и другие школы), принципиальное отличие которой от древнегреческой с точки зрения развития семантики состоит не столько в содержании, но прежде всего в степени влияния на европейскую традицию. Начало семантики как самостоятельной дисциплины Х. Кронассер связывает с появлением работ английского философа Дж. Локка и относит к середине XVII в. (Locke 1660). Становление же собственно лингвистической семантики, по общему мнению, относится к XIX в. В 1839 г. немецкий лингвист К. Райзиг предлагает новое имя для тогда еще просто «науки о значении» — семасиология (нем. *Semasiologie*, также от греческого *sēmaínō* ‘означать’ и *sēmasía* ‘значение’) и рассматривает ее как одну из грамматических дисциплин (Reisig 1839)².

В 1883 г. французский лингвист М. Бреаль предлагает новое название — семантика (от фр. *la sémantique*; Bréal 1883), однако еще в 1878 г. он упоминал его в частном письме к А. де Губернатису³. Через 14 лет выходит первое издание его знаменитой книги «*Essai de sémantique. Science des significations*» (Bréal 1897), еще более укрепляющей новое наименование. Тем не менее два эти термина — семасиология и семантика — сосуществуют и конкурируют

¹ Здесь и далее в скобках после фамилии автора указан год издания книги; ее полное название и номера страниц приводятся в списке литературы в конце каждой главы.

² Х. Кронассер указывает еще более ранний срок появления термина «семасиология» — около 1826 г., ссылаясь на в то время еще не опубликованные лекции К. Райзига.

³ Х. Кронассер отрицает приоритет М. Бреаля (Kronasser 1952, 29 прим.), однако никак не аргументирует свою позицию.

примерно до 60-х годов XX в.¹ Свидетельством этой конкуренции может служить почти одновременный выход двух обобщающих трудов по этой дисциплине, использующих разные ее названия: в 1951 г. на английском языке «The principles of semantics» С. Ульманна (Ullmann 1959) и в 1952 г. на немецком языке «Handbuch der Semasiologie» Х. Кронассера (Kronasser 1952). В 1957 г. появляется книга В. А. Звегинцева «Семасиология» (Звегинцев 1957). Только с 60-х годов термин «семантика» становится основным, а сейчас по существу и единственным названием науки.

Термин «семасиология», однако, сохранился в научном обиходе и используется в более узком смысле. Под ним подразумевается раздел семантики, изучающий значение слов и словосочетаний, которые используются для номинации, т. е. фактически изучающий переход от формы слова к мысли или предмету. В терминологическом плане семасиология противопоставлена ономастологии, изучающей саму номинацию — переход от предмета или явления к их обозначению в языке, т. е. изучающей то, как происходит называние. Обе эти дисциплины являются в современном понимании составными частями семантики в целом.

В настоящем учебнике исторического очерка как такового нет, поскольку это учебник прежде всего теоретический. Следует также отметить, что лингвистическая семантика (или семасиология) в XIX и в начале XX в. представляла собой исключительно диахронную науку. Главной ее задачей было изучение изменения и развития значения отдельных слов. Современная же лингвистическая семантика — наука, почти исключительно синхронная. Поэтому в различных главах присутствуют элементы исторического обзора, однако речь идет прежде всего о XX в. и направлениях семантики (в рамках разных наук), представляющих синхронное изучение языка и во многом определяющих сегодняшнее состояние семантики. Любопытного читателя можно отослать к уже упоминавшимся книгам Kronasser 1952 и Ullmann 1959, а также к Cassirer 1923 и книгам на русском языке Звегинцев 1957 и Шафф 1963.

С учетом интересов читателя и учебной направленности настоящей книги во введении предлагается краткий обзор наиболее значительных обобщающих трудов по семантике теоретического, справочного или учебного характера, которые появились во второй половине XX в. и сохранили свою значимость. Сюда, за небольшим исключением, не входят исследовательские монографии, в которых излагаются или развиваются взгляды какого-либо одного лингвиста или лингвистического направления (например,

¹ Другие названия, произведенные от того же греческого корня — семология (предложение А. Норена) и сематология (предложение К. Коллина), никакого распространения не получили.

семантика в генеративной грамматике и т.д.). Многие из таких книг упоминаются в основном тексте, в частности в главах, посвященных отдельным теориям и моделям языка.

0.2. Книги о семантике

Бурное развитие синхронной семантики приходится прежде всего на вторую половину XX в.¹ Исключительную роль в этом развитии сыграл перелом, ставший во многом рубежом между старой (диахронной) и новой (синхронной) семантиками, который произошел в течение нескольких десятилетий именно в первой половине нашего века (по крайней мере, после появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в 1916 г.). Попытку осмыслить достижения, с одной стороны, лингвистической семантики (развитой исторической и развивающейся синхронной) и, с другой стороны, семантик философской, логической и, в несколько меньшей степени, психологической предприняли сразу несколько ученых.

В течение немногим более десятилетия появилось пять обобщающих трудов по семантике, принадлежащих четырем авторам: С. Ульманну (1951, 1962), Х. Кронассеру (1952), В. А. Звегинцеву (1957) и А. Шаффу (польское издание вышло в 1960 г., русское — в 1963 г.). Но если В. А. Звегинцев явно тяготеет к диахронной семантике, а А. Шафф — к философской линии, то и Х. Кронассер, и С. Ульманн (по крайней мере, в первой книге 1951 г.) пытаются совместить различные понимания семантики и представить полную картину современной им науки. В своей второй книге С. Ульманн (1962) в основном говорит уже о лингвистической синхронной семантике.

В связи с бурным развитием этой лингвистической области многие теоретические главы обобщающих работ быстро устаревали, хотя и сейчас все названные монографии представляют значительный интерес. Наиболее устарела, по крайней мере на первый взгляд, книга А. Шаффа (но далеко не во всем): в основном из-за того, что она основывается на принципах марксизма, и многие пассажи (как можно предполагать, направленные в адрес «официальной и идеологически правильной» науки) кажутся сейчас наивными.

Из-за такого естественного устаревания (не связанного с собственно качеством продукции) в лингвистическом мире, прежде всего на английском языке, постоянно появляются новые обоб-

¹ Судить о темпах роста и объеме «семантической продукции» хотя бы в течение 20 лет (с 1965 по 1985 г.) можно по сборникам библиографии Gordon 1980, 1987.

щающие монографии по семантике теоретического, справочного и учебного характера. И судя по их количеству, спрос на семантику не ослабевает.

Наиболее продуктивно в этом жанре работает английский лингвист Дж. Лайонз. Достаточно назвать его знаменитый двухтомный труд 1977 г. и более поздние книги 1981 и 1995 гг. (Lyons 1977, 1981, 1995¹), хотя перу Лайонза принадлежат и другие книги о языке, лингвистике и лингвистах, включающие в том числе и информацию о семантике. Работы Дж. Лайонза предназначены в первую очередь для студентов-лингвистов. Среди других многочисленных учебных пособий по семантике следует отметить Palmer 1981; Hurford, Heasley 1983; Allan 1986; Frawley 1992; Hofmann 1993 и Saeed 1997, выделяющиеся объемом и широтой охвата семантических проблем. Количество же «тонких» учебников на разных языках, ориентированных на краткий обзор основных проблем, весьма велико, и, поскольку они не имеют научной ценности, нет смысла даже упоминать их.

Особый интерес представляют теоретические работы по семантике известных исследователей, среди которых можно выделить книги А. Греймаса, Дж. Катца и Дж. Лича (Greimas 1966; Katz 1972; Leech 1974), каждая из которых стала определенным этапом в развитии семантики.

В последние годы появились также справочные издания, либо целиком посвященные семантике, либо отводящие значительное место обсуждению семантических проблем. Так, в 1991 г. в серии HSK (*Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*) выходит почти тысячестраничный справочник «Semantik». В 1995 г. появляется продолжающееся издание «Handbook of pragmatics». В этом же ряду можно назвать новое трехтомное издание «Encyclo-pedic dictionary of semiotics», вышедшее в свет в 1994 г. В 1997—2004 гг. в серии HSK вышло четыре тома справочника «Semiotik».

Из большого числа общелингвистических словарей и энциклопедий следует отметить однотомный энциклопедический словарь Ducrot, Todorov 1972, прекрасно структурированный и отражающий уровень лингвистической науки 70-х годов, а также двухтомное издание Greimas, Courtés 1979 (второй том, вышедший в 1986 г., содержит дополнения и обсуждение наиболее дискуссионных вопросов).

На фоне столь активной (особенно в 90-е годы) издательской деятельности в области учебной и справочной литературы на английском, немецком и французском языках особенно заметно отсутствие учебных пособий на русском языке. И хотя в российской лингвистике существуют книги, «покрывающие» отдельные раз-

¹ Русский перевод книги Lyons 1995 появился в 2003 г. — Лайонз 2003.

дела семантики (Апресян 1995, Арутюнова 1976, Городецкий 1969, Новиков 1982, Падучева 1985, Степанов 1985, Шмелев 1977 и др.), заменить отсутствующий современный учебник по семантике (в силу своего неучебного характера, а также времени появления — это в основном книги 70—80-х годов) они не могут. Учебный курс М. В. Никитина (1996) ориентирован в основном на лексическую семантику в ее традиционном аспекте. Следует отметить ряд книг на русском языке, посвященных исключительно логико-философской семантике, например Тондл 1975 (перевод с чешского), Павиленис 1983. К поколению новых учебников относится вышедшая в 2000 г. книга И. М. Кобозевой «Лингвистическая семантика».

Издание учебного пособия по семантике на русском языке, конечно же, необходимо, как оно было необходимо в 60—70-е, а затем и в 80-е и 90-е годы XX столетия. Но сейчас это фактически единственный способ хоть как-то ликвидировать все увеличивающийся разрыв (не хочется говорить «отставание», поскольку российская семантика развивается вполне успешно) между российской и западной наукой, который особенно болезненно отзывается в образовании. Причем разрыв этот взаимный: достаточно сказать, что в «*Handbook of pragmatics*» российская лингвистика представлена по существу лишь одной статьей «Марксистская лингвистика».

Сегодняшний учебник по семантике должен опираться на достижения российской семантики (так, можно говорить о существовании Московской семантической школы, направления логического анализа естественного языка, теории функциональной грамматики и других оригинальных российских семантических школ и подходов), но при этом не может не учитывать новейших и еще малоизвестных у нас направлений западной лингвистики (описанных, в частности, в указанных выше работах). Более того, задача состоит не только в том, чтобы все это учесть, но и в том, чтобы объединить это в некую единую (пусть развивающуюся и изменяющуюся) научную картину.

В связи с этим важно подчеркнуть, что даже отмеченные справочные издания неполны (не в смысле учета отдельных работ, а более глобально, т. е. структурно и композиционно). Такая неполнота, по-видимому, неизбежна и обусловлена свойствами самой семантики. Эта научная область необычайно сложна, неоднородна, аморфна и принципиально открыта, т. е. развивается в различных, иногда труднопредсказуемых направлениях. Перечисленные качества семантики делают недостаточным для ее адекватного освещения любой отдельно взятый подход. Именно поэтому предлагаемое учебное пособие строится на основании нескольких взаимодополняющих взглядов на семантику, что и отражено в его структуре.

0.3. Структура книги

Учебник состоит из предисловия, введения, 6 частей, состоящих из 23 глав, заключения, приложения и двух указателей (предметного и именного).

Часть I посвящена уточнению понятия «семантика» в разных науках и областях человеческой деятельности, сравнению этих областей в общей картине человеческого знания.

В части II рассматриваются наиболее важные и общезначимые семантические проблемы и связанный с ними теоретический и понятийный аппарат.

В части III семантика представлена в чисто лингвистическом аспекте как достаточно строгая, ограниченная и структурированная (в соответствии с рангами языковых единиц) область. Объектом обсуждения становятся значения языковых единиц — от морфемы до текста, а также значения грамматических категорий. Именно в этой части привлекается основной конкретный языковой материал.

В части IV в центре внимания находится понятие семантической категории, единой при всем разнообразии способов ее выражения.

В части V рассматриваются семантические компоненты, уровни и разделы в наиболее известных и значительных теориях и моделях языка.

Наконец, часть VI показывает семантику в динамике ее развития и изменения. Здесь рассматриваются новые области лингвистического знания, зародившиеся в рамках семантической науки или же, наоборот, вошедшие в лингвистическую семантику сравнительно недавно и отчасти изменившие ее предмет и задачи.

Предложенная структура подразумевает частичное повторение некоторых тем и их обсуждение с разных точек зрения в составе разных разделов.

Задача данной книги состоит в том, чтобы дать ее основному адресату — студентам гуманитарных специальностей — возможность приобрести фундаментальные знания в области семантики и в смежных с ней областях, овладеть теоретическим и понятийным аппаратом семантики, уметь ориентироваться в различных проблемах, связанных со значением и его функционированием в человеческом общении. Но теоретические знания в семантике в значительной степени неполны (как и во многих других областях науки) без усвоения определенных навыков (особенно если речь идет о студентах-лингвистах) — техники семантического анализа, толкования различных языковых единиц (от морфемы до целого текста), умения синтезировать тексты заданного жанра и др.

С целью продемонстрировать направление развития практических навыков в Приложении вниманию читателя предлагаются оригинальные семантические задачи и разбор их решения.

Несколько слов нужно сказать и о структуре отдельных глав. В курсе семантики необходим разумный компромисс между изложением научных теорий и дискуссий и собственно семантическим анализом языкового материала. Предлагаемый учебник не является книгой по истории семантических учений, однако без изложения различных точек зрения и истории их развития обойтись не удастся. Этому, как уже сказано, частично посвящены части I и IV, а также историко-энциклопедические преамбулы в некоторых главах. После преамбулы разбираются конкретные понятия и проблемы данной области на основе анализа конкретного языкового материала. Каждая глава содержит список рекомендуемой литературы.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М., 1976.

Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. — М., 1969.

Звегинцев В.А. Семасиология. — М., 1957.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. — М., 2000.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. — М., 2003.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1996.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. — М., 1983.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М., 1985.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.

Тондл Л. Проблемы семантики. — М., 1975.

Шафф А. Введение в семантику. — М., 1963.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.

Allan K. Linguistic meaning. 2 vols. — London; New York, 1986.

Bréal M. Les lois intellectuelles du langage: fragment de sémantique // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques. — 1883. 17. P. 132—142.

Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations. — Paris, 1897.

Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. — Die Sprache. — Berlin, 1923. — Bd. 1.

Ducrot O., Todorov Tz. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. — Paris, 1972.

Encyclopedic dictionary of semiotics. — 2nd edition revised and updated. 3 vols. — Berlin; New York, 1994.

Frawley W. Linguistic semantics. — Hillsdale, 1992.

Gordon W.T. Semantics: a bibliography. 1965—1978. — Metuchen; New York; London, 1980.

- Gordon W.T. *Semantics: a bibliography. 1979—1985.* — Metuchen; New York; London, 1987.
- Greimas A.-J. *Sémantique structurale. Recherche de méthode.* — Paris, 1966.
- Greimas A.-J., Courtés J. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage.* — Paris, t. 1 — 1979, t. 2 — 1986.
- Handbook of pragmatics. Manual / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert. — Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Hofmann T.R. *Realms of meaning: an introduction to semantics.* — London; New York, 1993.
- Hurford J.R., Heasley B. *Semantics: a course-book.* — London; New York, 1983.
- Katz J.J. *Semantic theory.* — New York, 1972.
- Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre.* — Heidelberg, 1952.
- Leech G.N. *Semantics.* — Harmondsworth, 1974.
- Locke J. *An essay concerning human understanding. Book 3.* — London, 1660.
- Lyons J. *Semantics. 2 vols.* — London; New York, 1977.
- Lyons J. *Language, meaning and context.* — London, 1981.
- Lyons J. *Linguistic semantics: an introduction.* — Cambridge, 1995. [рус. перевод — см. выше Лайонз 2003]
- Palmer F.R. *Semantics. 2nd ed.* — Cambridge, 1981.
- Reisig Ch.C. *Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft.* — Leipzig, 1839.
- Saeed J.I. *Semantics.* — Oxford, 1997.
- Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1—4.* — Berlin; New York, 1997—2004.
- Semantik: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von A. von Stechow, D. Wunderlich.* — Berlin; New York, 1991.
- Ullmann S. *The principles of semantics. A linguistic approach to meaning.* — 2nd ed. (with additional material). — Glasgow; Oxford, 1959. [1st ed. 1951; 2nd ed. 1957]
- Ullmann S. *Semantics. An introduction to the science of meaning.* — Oxford, 1962.

ЧАСТЬ I

СЕМАНТИКА В РАМКАХ ДРУГИХ НАУК

Семантические проблемы и семантические понятия (в первую очередь понятие значения) обсуждаются в рамках разных наук. Однако только для четырех наук (включая лингвистику) можно говорить о семантике как о некоем самостоятельном разделе или области исследования.

Семантика является составной частью не только лингвистики, но и философии, логики и семиотики. Причем сам термин «семантика» понимается в рамках этих наук по-разному. Терминологическая путаница усиливается еще и тем, что понятие «семантика» и связанные с ним понятия: «значение», «семантические структуры» и подобные им — используются и в других науках, в частности в психологии и культурологии. Более того, термин «семантика» совершенно особым образом используется в рамках достаточно специфического направления человеческой деятельности, называемого общей семантикой.

Конечно, решение частных лингвистических задач возможно и без обращения к философским, логическим и другим проблемам семантики. Однако понять развитие и перспективу лингвистической семантики в целом без знания сопредельных областей едва ли возможно. Действительно, несмотря на все различия соответствующих областей и интерпретаций семантики, в них имеет место постоянная их взаимосвязь и взаимовлияние. Достаточно сказать, что такие разделы и ответвления лингвистической семантики, как теория референции и теория речевых актов, возникли под непосредственным влиянием философской и логической семантики, где обсуждение этих проблем началось значительно раньше, чем в лингвистике. Кроме того, метаязык современной лингвистической семантики во многом сложился на основе различных формальных языков математической логики. Даже такое не вполне безупречное с научной точки зрения течение, как общая семантика, многие свои идеи фактически реализовало именно в современной лингвистике.

Огромную роль для развития современной семантики и осознания ее как отдельной и важной науки сыграла семиотика, своего рода метанаука по отношению к лингвистике. Именно в рамках семиотики были впервые осмыслены и определены ос-

новые цели, задачи и рамки синхронного семантического исследования.

В самых общих словах можно сказать, что философская семантика является методологией семантики лингвистической, а логическая семантика разрабатывает для лингвистов формальные метаязыки и вообще формальный аппарат исследования и описания. В действительности идейные связи разных семантик иногда настолько сильны, что невозможно точно квалифицировать то или иное исследование как принадлежащее только к философии или только к лингвистике и т. д.

ГЛАВА 1 СЕМИОТИКА

Семиотика — наука о знаках — появилась в начале XX в. Уже изначально она представляла собой метанауку, особого рода надстройку над рядом наук, оперирующих понятием знака. Несмотря на формальную институализацию семиотики (существуют семиотическая ассоциация, журналы, регулярно проводятся конференции и т. д.), статус ее как единой науки до сих пор остается дискуссионным.

Идея создания науки о знаках возникла почти одновременно и независимо у нескольких ученых. Основателем семиотики считается американский логик и философ Ч. С. Пирс (1839—1914), который и предложил ее название. Основные работы Ч. С. Пирса были опубликованы после его смерти в 30-е годы. Ч. С. Пирс, в частности, дал определение знака, первоначальную классификацию знаков (индексы, иконы, символы), установил задачи и рамки новой науки. Идеи Ч. С. Пирса развил в своем фундаментальном труде другой американский философ Ч. Моррис. Он, кроме всего прочего, определил и структуру самой семиотики.

Почти в это же время швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (1857—1913) предложил основы семиологии, также науки о знаках. Знаменитый «Курс общей лингвистики» (курс лекций) был издан учениками после его смерти в 1916 г. Термин «семиология» и сейчас используется в некоторых традициях (прежде всего французской) как синоним семиотики.

В 1923 г. немецкий философ Э. Кассирер опубликовал трехтомный труд, посвященный философии символических форм, т. е. фактически тоже науке о знаках, или символах, в терминологии Э. Кассирера.

Несмотря на общую идею необходимости создания науки о знаках, представления о ее сущности, в частности, у Ч. С. Пирса

и Ф. де Соссюра значительно различались. Пирс рассматривал ее как «универсальную алгебру отношений», т.е., скорее, как раздел математики. Соссюр же говорил о семиологии как науке психологической, своего рода надстройке, прежде всего над гуманитарными науками.

Начало XX в. — время создания семиотики — послужило отправной точкой ее развития как в будущее, так и в прошлое (хотя это и звучит парадоксально). Так, современные ученые, обращаясь к работам мыслителей прошлого, открывали в них фрагменты семиотических исследований. Чтобы показать разброс семиотических трудов по различным областям человеческой мысли и духа, достаточно назвать, например, имена Блаженного Августина, Дж. Локка, В. фон Гумбольдта, К. Маркса или З. Фрейда. В XX в. семиотика развивалась в очень разных направлениях. В американской семиотике, развивающейся в русле работ Ч. С. Пирса и Ч. Морриса, объектом изучения были различные невербальные символичные системы, например жесты или языки животных. В Европе, напротив, первоначально торжествовала языковая соссюровская традиция. Семиотику развивали прежде всего лингвисты Л. Ельмслев, С. О. Карцевский, Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson и др. и литературоведы В. Я. Пропп, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум. Лингвистические методы переносились и на другие области. Так, Я. Мукаржовский использовал методы, разработанные в Пражском лингвистическом кружке, для анализа искусства как знакового феномена. И позднее структурные методы при анализе социальных и культурных явлений применяли французские и итальянские структуралисты Р. Барт, А. Греймас, К. Леви-Строс, У. Эко и др.

В СССР взаимодействовали два основных семиотических центра — в Москве (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.) и Тарту (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров и др.). В то же время с большим основанием говорят о единой Московско-тартуской (или Тартуско-московской) школе семиотики, объединившей исследователей на основе как содержательных, так и организационных принципов. Московско-тартуская школа оказала влияние не только на развитие советской и мировой науки, но и, кроме того, стала значительным культурным явлением в жизни советской интеллигенции. Ее можно рассматривать как своего рода идейную оппозицию марксистскому подходу в гуманитарных науках.

Первым крупным семиотическим мероприятием в стране стал симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Он был организован совместно Институтом славяноведения и Советом по кибернетике и проведен в Москве в 1962 г. В программу симпозиума были включены следующие секции: 1. Естественный язык как знаковая система. 2. Знаковые системы письма и дешифровка. 3. Неязыковые системы коммуникации. 4. Искусственные языки. 5. Моделирующие семиотические системы. 6. Искусство как семи-

отическая система. 7. Структурное и математическое изучение литературных произведений. На симпозиуме были сделаны доклады по машинному переводу, лингвистической и логической семиотике, семиотике искусства, мифологии, невербальных систем коммуникации, ритуала и пр. Первое заседание открыл акад. А. И. Берг. В симпозиуме участвовали П. Г. Богатырёв, А. К. Жолковский, А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, Ю. С. Мартемьянов, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, А. М. Пятигорский, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Б. В. Сухотин, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Т. В. Цивьян и др.

В это время возник термин «вторичные моделирующие системы». Язык понимался как первичная знаковая система, надстроенные же над ним знаковые системы рассматривались как вторичные. Термин предложил В. А. Успенский, в частности и с целью избежать частого употребления термина «семиотика», поскольку он вызывал неприятие со стороны официальной идеологии.

В Тарту центром семиотики стала кафедра русской литературы, на которой работали Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов и др. В 1964 г. здесь вышел первый сборник «Труды по знаковым системам», и в этом же году состоялась первая летняя школа по вторичным знаковым системам, по существу объединившая два центра, а также ученых из других городов. В течение десяти лет было проведено пять летних школ. Школы в 1964, 1966 и 1968 гг. прошли в Кяэрику на спортивной базе Тартуского университета, школы в 1970 и 1974 гг. — в Тарту, причем последняя официально называлась Всесоюзным симпозиумом по вторичным моделирующим системам. Значительно позднее — в 1986 г. — состоялась еще одна, последняя, школа. Во второй летней школе принял участие приехавший в страну после долгого отсутствия Р. О. Jakobson.

В рамках Московско-тартуской школы семиотики объединились две традиции — московская лингвистическая и ленинградская литературоведческая, поскольку именно к последней принадлежали Ю. М. Лотман и З. Г. Минц.

В основе московской лингвистической традиции лежали методы структурной лингвистики, кибернетики и информатики (в частности, поэтому одним из основных стало понятие вторичной моделирующей системы). Для Ю. М. Лотмана же ключевым стало понятие текста (и прежде всего художественного), которое он распространил на описание культуры вообще.

В начале работы Московско-тартуской школы имело место чрезвычайное разнообразие охватываемой тематики, при этом достаточно хорошо было представлено исследование простых систем — дорожных знаков, карточных игр, гаданий и т. д. Постепенно, однако, интересы членов школы почти полностью сместились к сложным знаковым системам — мифологии, фольклору, литературе и искусству. Основной понятийной категорией, используемой в этих

исследованиях, был текст. К семиотическому анализу текстов в самом широком смысле слова относятся, например, исследования основного мифа (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров), фольклорных и авторских текстов (М. И. Лекомцева, Т. М. Николаева, Т. В. Цивьян и др.). Другое направление, связанное с этим понятием, представлено в первую очередь в работах Ю. М. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка.

Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим его миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование.

В современной российской науке преобладает именно эта традиция, однако с активным использованием лингвистических методов. Так, можно говорить о семиотике истории и культуры, основанной на лингвистических принципах (Ю. И. Левин, Т. М. Николаева, Ю. С. Степанов, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.). Важную роль для лингвистики играет исследование знаковых систем, непосредственно связанных с языком и речью, — жестов, мимики и поз (Г. Е. Крейдлин).

Особый интерес представляют рефлексия по поводу Московско-тартуской семиотической школы ее членов и осмысление ее как особого культурного и даже семиотического феномена. Основная масса публикаций (в том числе и мемуарного характера) приходится на конец 80-х и 90-е годы. Среди различных описаний и интерпретаций Московско-тартуской школы можно выделить статью Б. А. Успенского «К проблеме генезиса Тартуско-московской семиотической школы» (впервые опубликована в «Трудах по знаковым системам» в 1987 г.), основные положения которой, по-видимому, общепризнаны. Наиболее же дискуссионной оказалась статья Б. М. Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен». Она была впервые опубликована в *Wiener Slawistischer Almanach* в 1989 г. и вызвала ряд откликов, уточняющих ее основные тезисы и спорящих с ними. Б. М. Гаспаров рассматривает школу как целостное явление (он почти не упоминает никаких имен), для которого характерна западническая ориентация, герметизм, эзотеризм и подчеркнутая усложненность языка, утопизм. Фактически он понимает ее как своего рода внутреннюю культурную эмиграцию из советского идеологизированного пространства.

Несмотря на различия, представленные в тематике и методах многочисленных направлений семиотики, можно говорить о ее общих теоретических основаниях. В основе понятийного аппарата семиотики лежит понятие **знака**, определяемого, впрочем, по-разному в различных традициях. В логико-философской традиции,

восходящей к Ч. Моррису и Р. Карнапу, знак понимается как некий материальный носитель, представляющий другую сущность (в частном, но наиболее важном случае — информацию). В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру и позднейшим работам Л. Ельмслева, знаком называется двусторонняя сущность. В этом случае вслед за Соссюром материальный носитель называется означающим, а то, что он представляет, — означаемым знака. Синонимом означающего являются термины «форма» и «выражение», а в качестве синонимов означаемого используются термины «содержание», «значение» и иногда «смысл». Следует упомянуть также менее распространенное понимание знака как трехсторонней сущности, предложенное И. А. Мельчуком. Третьей стороной знака объявляется его синтактика (не надо путать ее с «синтактикой», по Ч. Моррису, обозначающей раздел науки). Синтактикой знака, по Мельчуку, называется его сочетаемость с другими знаками, не обусловленная значением.

Существуют и более формальные определения знака. Так, сущность знака может быть выражена следующей формулой:

X понимает и использует **Y** в качестве представителя **Z**.

В этой формуле **X** — тот, кто использует знак (пользователь знака) и участвует в процессе коммуникации. В качестве **Y** и **Z** может выступать что угодно, однако **Y** должен быть воспринимаем, т. е. должен являться материальным объектом.

Тогда под знаком в логико-философской традиции понимается **Y**, материальный носитель или представитель **Z**-а. В лингвистической же традиции знаком называется пара **Y/Z**, т. е. двусторонняя сущность. В этом случае **Y** называется означающим знака, а **Z** — его означаемым.

К знакам относятся, например, слова, дорожные знаки, деньги, награды, знаки различия, сигналы, жесты и т. д.

Другое ключевое понятие семиотики — знаковый процесс, или семиозис (см. рис. 1).

Семиозис определяется как некая динамическая ситуация, включающая определенный набор компонентов.

В основе семиозиса лежит намерение лица **A** передать лицу **B** сообщение **B**. Лицо **A** называется отправителем сообщения, лицо **B** — его получателем или адресатом. Отправитель выбирает среду **Г** (или канал связи), по которой будет передаваться сообщение, и код **Д**. Код **Д**, в частности, задает соответствие означаемых и означающих, т. е. набор знаков. Код должен быть выбран таким образом, чтобы с помощью соответствующих означающих можно было составить требуемое сообщение. Должны также подходить друг к другу среда и означающие кода. Код должен быть известен получателю, а среда такова, чтобы означающие были доступны

его восприятию. Таким образом, воспринимая означающие, посланные отправителем, получатель с помощью кода переводит их в означаемые и тем самым принимает сообщение.

Частным случаем семиозиса является речевое общение (или речевой акт), а частным случаем кода — естественный язык. Тогда отправитель называется говорящим, получатель — слушающим или также адресатом, а знаки — языковыми знаками. Код (и язык в том числе) представляет собой систему, которая состоит из структуры знаков и правил ее функционирования. Структура, в свою очередь, состоит из знаков и отношений между ними (иногда говорят также о правилах комбинирования).

Семиотика разделяется на три основные области: синтактику (или синтаксис), семантику и прагматику. **Синтактика** изучает отношения между знаками и их составляющими (речь идет в первую очередь об означающих). **Семантика** изучает отношение между означающим и означаемым. **Прагматика** изучает отношение между знаками и его пользователями.

Такое понимание семантики не вполне соответствует определению и задачам лингвистической семантики. Лингвистическая семантика изучает прежде всего отношения между различными означаемыми, но включает в себя также и прагматические задачи, и некоторые другие, которые трудно сформулировать в классических терминах семиотики (например, задачи теории речевых актов и т. д.). Тем не менее лингвистический семантический анализ основывается именно на базовых семиотических понятиях — знак и семиозис (или речевое общение). Лингвистическое значение в традиционном понимании — это именно означаемое знака: то, что сообщается при речевом общении.

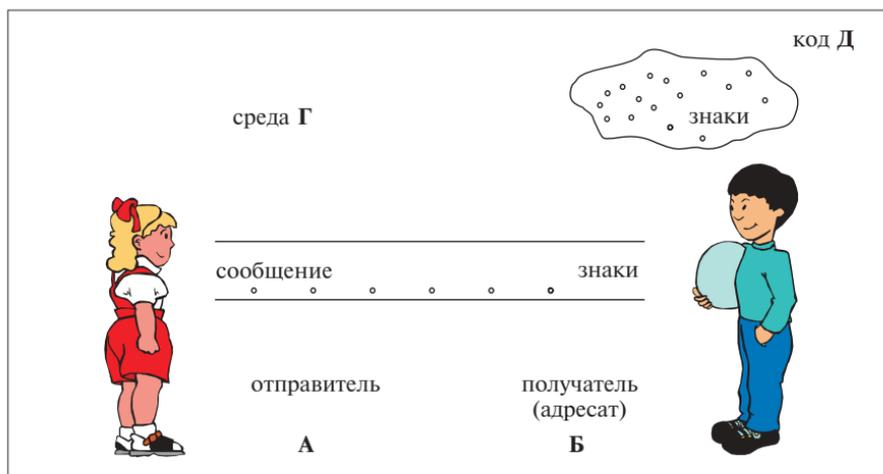

Рис. 1. Семиозис

Существует значительное число классификаций знаков, основанных на различиях формы, содержания, связи формы с содержанием, структуры и на других параметрах. До настоящего времени сохраняет свое значение классическое (введенное Ч. С. Пирсом) разбиение знаков на три группы — иконы, индексы и символы. Эта классификация основана на типологии соотношения формы и содержания.

Так, **иконами** (или иконическими знаками) называются знаки, чьи форма и содержание сходны качественно или структурно. Например, батальное полотно или план сражения являются знаками-иконами, если считать их содержанием само сражение. **Индексами** (или индексальными знаками) называются знаки, чьи форма и содержание смежны в пространстве или во времени. Следы на песке, позволяющие предположить, что ранее кто-то прошел по песку; дым, предполагающий наличие огня; симптомы болезни, подразумевающие саму болезнь, — все это индексальные знаки. По-видимому, правильнее говорить не о смежности формы и содержания, как это принято традиционно, а о наличии между ними определенных причинно-следственных связей.

Наконец, **символами** (или символическими знаками) называются знаки, для которых связь между формой и содержанием устанавливается произвольно, по соглашению, касающемуся именно данного знака. Для иконических и индексальных знаков форма позволяет догадаться о содержании знака даже незнакомому с ним адресату. Что же касается символических знаков, то их форма сама по себе, т.е. вне специального договора, не дает никакого представления о содержании. Ф. де Соссюр говорил в этом случае о немотивированности выбора означающего или отсутствии естественной связи между означаемым и означающим. Например, знак сложения «+» никак не связан с самой этой арифметической операцией — ни сходством, ни смежностью, ни причинно-следственными связями. Их связь произвольна в том смысле, что определяется особым соглашением, или конвенцией, обуславливающей использование соответствующего значка для передачи данного смысла.

Среди языковых знаков подавляющее большинство относится к символам. Это и позволило Ф. де Соссюру говорить о произвольности языкового знака. Между означающими русского, английского и немецкого языков *стол*, *table* и *Tisch* мало общего, хотя все они обозначают одно и то же. Произвольность означает, однако, не свободу выбора формы знака вообще — ведь в рамках одной знаковой системы этот выбор ограничен. По-английски соответствующий смысл выражается словом *table* и никаким другим. Произвольна, таким образом, сама связь между означаемым и означающим, устанавливаемая и определяемая языковой конвенцией, а не какими-то естественными причинами.

Впрочем, в языках имеются и слова, означающие которых похожи на соответствующие означаемые. Таковы звукоподражания, или идеофоны: *и-го-го, мяу-мяу, бр-р-р, апчи* и др. Иконическим знаком может быть не только слово. Так, по замечанию Р. О. Якобсона, иконическим является порядок слов во фразе *Пришел, увидел, победил*, поскольку линейный порядок слов повторяет последовательность соответствующих действий.

К индексальным языковым знакам традиционно относят личные и указательные местоимения и некоторые другие местоименные слова (*я, ты, это, здесь, сейчас* и др.). Делается это по аналогии с жестами, хотя едва ли здесь уместно говорить о смежности или причинно-следственных связях.

В соответствии с типом восприятия формы знаки делятся на **зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые**. В человеческой коммуникации используются в основном первые три типа. Так, языковые знаки относятся к первому или ко второму типу (письменная и устная формы). К зрительным знакам также относятся сигналы светофора, регулировщика, дорожные знаки, мимика, жесты, позы и т. д. Среди слуховых знаков можно отметить гудки и сирены, звонки (будильника, телефона и др.), выстрел стартового пистолета и т. п. К разряду осязательных знаков принадлежат, например, жесты-касания — похлопывания, пожатия, поглаживания и др. Для слепых и глухих людей этот вид знаков становится основным. В коммуникации многих видов животных особую роль играют обонятельные знаки. Например, медведи и другие дикие животные помечают место обитания клочьями шерсти, сохраняющей запах, чтобы отпугнуть чужака и показать, что данная территория уже занята.

По длительности существования формы знаки делятся на **ментальные** и **длительные** (стабильные). К ментальным, т. е. исчезающим сразу после использования, относятся, например, звучащие слова, в то время как написанные слова являются длительными знаками.

Среди классификаций, основанных на типологии содержания знаков, главным следует считать разбиение знаков на слова и предложения, особенно важное для естественного языка. В соответствии со строением различаются **простые** (элементарные) и **сложные** (неэлементарные) знаки.

Как правило, в коммуникации используются не отдельные знаки, а их объединения, которые называются **знаковыми системами**. Объединение знаков в систему основывается на нескольких критериях — общности функции, сходстве форм и подобии структур. Знаковая система состоит из набора элементарных знаков, отношений между ними, правил их комбинирования, а также правил функционирования. Так, естественный язык с некоторым огрублением можно рассматривать как набор слов, находящихся в оп-

ределенных отношениях между собой (словарь и грамматика) вместе с правилами комбинирования слов (синтаксис), а также правилами функционирования (например, различные прагматические и коммуникативные постулаты).

К знаковым системам относятся естественные языки, языки программирования, денежная система, язык жестов и т. д.

При коммуникации знаковые системы могут взаимодействовать. В процессе речевого общения обычно используется не только язык, но жесты и мимика, причем знаки разных знаковых систем коррелируют между собой.

Отношения, которые существуют между знаками в знаковой системе, называются **парадигматическими**. Среди важнейших парадигматических отношений — синонимия, омонимия и др.

Наряду с парадигматическими отношениями между знаками существует и другой тип отношений — **синтагматические**. Синтагматическими называются отношения между знаками, возникающие в процессе их комбинирования. Именно синтагматические отношения обеспечивают существование текста — результата действия знаковой системы в процессе коммуникации.

И семиотические классификации, и многие другие результаты семиотических исследований демонстрируют параллелизм семантики языка и других знаковых систем. Однако, поскольку естественный язык является наиболее сложной, мощной и универсальной знаковой системой, непосредственное перенесение семиотических методов в лингвистику малоэффективно. Скорее наоборот, методы лингвистики, и в том числе лингвистической семантики, активно влияют на развитие семиотики. Тем не менее можно сказать, что в лингвистической семантике огромную роль сыграли сам семиотический подход в целом и основные семиотические понятия, такие, как «знак», «коммуникация» и «семиозис».

Рекомендуемая литература

- Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. — М., 1976.
Из работ московского семиотического круга. — М., 1997.
Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика, или Азбука общения. — М., 1997. [2-е изд. — М., 2004]
Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. — М., 1998.
Семиотика. — М., 1983.
Степанов Ю. С. Семиотика. — М., 1971.
Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.
Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. — М., 1998.
Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 3 Bd. — Berlin, 1923.
Encyclopedic dictionary of semiotics. 2nd edition revised and updated. 3 vols. — Berlin; New York, 1994.

Greimas A.-J., Courtés J. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage.* — Paris, t. 1 — 1979, t. 2 — 1986.

Morris Ch.W. *Foundations of the theory of signs.* — Chicago, 1938.

Peirce Ch.S. *Collected papers.* Vol. 1—6. — Cambridge, 1931—1935.

Saussure F. de. *Cours de linguistique générale.* — Paris, 1916. [рус. перевод в кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977]

Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1—4. — Berlin; New York, 1997—2004.

ГЛАВА 2

ФИЛОСОФИЯ

На рубеже XIX и XX вв. и особенно в начале XX в. в философии произошел своего рода лингвистический переворот. По мнению многих авторитетных философов (Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Р. Карнап и др.), именно язык следует считать основным объектом философии как науки. Для объединения весьма разнородных философских исследований языка этого периода использовались разные термины, в частности «неопозитивизм», который, впрочем, был вытеснен названием «аналитическая философия». Аналитическая философия подразумевает анализ употребления языковых знаков и выражений в качестве источника постановки и решения философских проблем; более того, философия как наука фактически сводится к такому анализу. Понятие анализа в этом смысле было введено в XX в. английскими философами Б. Расселом и Дж. Муром и развито Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате». Таким образом, произошел переход от одного объекта исследования к другому — от человека и мира к языку, на котором можно говорить о человеке и мире. Фактически главной задачей философии в таком понимании стало решение именно семантических проблем.

В рамках аналитической философии выделяются два основных направления — **философия логического анализа** и **лингвистическая философия**. Для философии логического анализа характерным является использование средств формальной математической логики. В ее основе лежит утверждение Б. Рассела о том, что любая научно осмысленная проблема есть по существу формально-логическая проблема. В рамках философии логического анализа ставится также задача исправления языка (прежде всего языка науки) в соответствии с определенными нормами «научности», задаваемыми логикой. Лингвистическая философия, напротив, концентрирует внимание на содержательном анализе обыденного языка с целью устранить неправомерное расширение нормального употребления. Среди основных представителей философии логического анализа — Б. Рассел, «ранний» Л. Витгенштейн (периода 1912—1918 гг., представленный его знаменитым «Логико-философским трактатом»), участники Венского кружка, последователи львовско-варшавской логической школы и некоторые др. Источниками лингвистической философии стали работы Дж. Мура и «позднего» Л. Витгенштейна (периода 1929—1951 гг., реализо-

вавшего свои идеи прежде всего в «Философских исследованиях»), поддержанные оксфордской и кембриджской школами в Великобритании.

Многие конкретные работы в первую очередь лингвистических философов (Дж. Остин, П. Ф. Стросон, Дж. Сёрл и др.) имеют совершенно очевидную лингвистическую ценность. Идеи логического анализа получили развитие в конкретных логических работах по созданию метаязыка и семантической интерпретации.

Следует более подробно остановиться на отдельных идеях и течениях аналитической философии.

Значительное влияние на возникновение аналитической философии оказала философская концепция, сформулированная в XVII—XVIII вв. немецким философом Г. Лейбницем. Он выдвинул тезис о сводимости математики к логике, ставший основой доктрины логицизма, и развил идеи Р. Декарта о создании философского языка. Это направление, связывающее рациональную критику естественного языка с лингвопроектированием, т. е. созданием «правильного» логического языка (философского языка или метаязыка), стало основным для философии логического анализа.

В полном объеме попытался свести понятия и законы арифметики и математического анализа к логике немецкий математик Г. Фреге. Этому посвящена его двухтомная фундаментальная работа «Grundgesetze der Arithmetik»¹ (1893—1903). Кроме того, Г. Фреге заложил основы логической, а по существу и лингвистической семантики. Противопоставив смысл и обозначаемый объект (денотат или референт), он использовал немецкие термины Sinn ‘смысл’ и Bedeutung ‘значение’, и по-видимому, здесь и берет начало принципиальное расхождение лингвистической и логической терминологии, поскольку в лингвистике смысл и значение обычно используются как синонимы. Г. Фреге исследовал отношение между объектом, понятием и объемом понятия (классом всех объектов, подпадающих под данное понятие), причем распространил свое исследование не только на имена, но и на высказывания. Так, денотатом высказывания, противопоставленным его смыслу, он называл истинностное значение. Г. Фреге выделил класс неэкстенциональных контекстов (например, контексты знания), в которых не выполняется сформулированный Г. Лейбницем принцип взаимозаменяемости тождественных по денотату имен («два выражения считаются одинаковыми, если они всегда могут подставляться одно вместо другого, причем истинность целого не изменяется»). Фактически именно Г. Фреге первым сказал об особом виде значения — пресуппозиции, хотя и не использовал соответствующего термина.

¹ «Основы арифметики» — самый простой и точный, хотя и не единственный, перевод на русский язык.

Можно с полным основанием утверждать, что именно Г. Фреге заложил основание аналитической философии (не говоря уже о логической семантике). Его идеи, а также реакция на них Б. Рассела и несколько позднее Л. Витгенштейна и послужили отправной точкой лингвистического переворота в философии.

После опубликования второго тома труда Г. Фреге Б. Рассел обнаружил в его системе парадокс, о чем написал немецкому логик в письме. Это парадокс о множестве множеств (т. е. множестве всех множеств), которые не включают себя в качестве элемента. Проблема состоит в том, включает ли себя само это множество. Если да, то оно не соответствует основному требованию — не включать себя — и не должно принадлежать себе. Если же нет, то оно как раз соответствует основному требованию и поэтому должно принадлежать себе.

Схож с этим парадоксом его несколько упрощенный и популяризированный вариант, известный как парадокс бородбрея. Он состоит в следующем. В городе есть бородбрей, который бреет всех тех и только тех мужчин, которые не бреются сами. Должен ли он брить себя сам? Если да, то получится, что он бреется сам, а такого мужчину он брить не должен. Если же нет, то это означает, что он не бреется сам, а как раз таких мужчин он должен брить.

Б. Рассел работал над устранением этих и некоторых других парадоксов, оставаясь в рамках аксиоматического построения логики. Вместе с А. Уайтхедом он написал трехтомный труд «Principia Mathematica», в котором давалось логическое обоснование математики и преодолевались различные парадоксы. Причины парадоксов заложены в определенных свойствах языка, в частности в смешении различных видов общностей. Соответственно устранение парадоксов заключалось в строгом разграничении классов понятий по степени их общности. Эта концепция получила название **теория типов**. В ней задается иерархия объектов и дефиниций, во многом превосходящая различные семантические классификации слов.

Б. Рассел создал оригинальную **теорию дескрипций**, в которой строго различил имена и дескрипции, а внутри последнего класса — определенные и неопределенные дескрипции. Неожиданность собственных имен и определенных дескрипций позволила объяснить невозможность их взаимной подстановки во фразах типа *Георг IV интересовался, является ли Вальтер Скотт автором романа «Уэверли»*. Имя *Вальтер Скотт* и определенная дескрипция *автор романа «Уэверли»* обозначают одного и того же человека, но при этом не тождественны. Именно поэтому подстановка собственного имени *Вальтер Скотт* на место дескрипции *автор романа «Уэверли»* с сохранением смысла и истинности высказывания невозможна (ср. *Георг IV интересовался, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом*).

Рассматривая аномальные фразы типа *Король Франции лыс* (при том, что ныне короля Франции не существует), Б. Рассел фактически исследовал ложную пресуппозицию и ее роль в семантике высказываний (подробнее об этом см. п. 12.3.1).

Б. Рассел был создателем концепции **логического атомизма**. Ее суть можно свести к следующему: в результате анализа языка в нем выделяется набор основных элементарных (атомарных) предложений. Этот набор атомарных предложений составляет основу нашего знания о мире, а сами предложения сообщают о фундаментальных фактах и объектах. Все остальные предложения могут быть проанализированы как состоящие из атомарных.

Идею о возможности разложения сложных форм знания и языка на простые и раскрытия, таким образом, истинной схемы знания, представляющей подлинную структуру мира, следует считать одной из ключевых не только для математики и аналитической философии, но и для лингвистических поисков единого метаязыка, столь характерных для лингвистики XX в. (А. Вежбицкая, Московская семантическая школа, когнитивная семантика и др.). Основные же философские и лингвистические вариации этой идеи заключаются в том, что именно принимается за основу в качестве самого простого и элементарного (атомарные предложения Б. Рассела, протокольный язык представителей Венского кружка, семантические примитивы А. Вежбицкой или нечто другое).

Идею логического атомизма принял ученик Б. Рассела австрийский философ Л. Витгенштейн и развил ее в «Логико-философском трактате» («Logisch-philosophische Abhandlung», 1922) — одной из самых замечательных философских книг XX в. Трактат написан в афористичном стиле и имеет строгую иерархическую структуру. Все тезисы пронумерованы, причем тезисы, развивающие какой-либо другой тезис, получают соответствующую и более дробную нумерацию. Максимальная глубина нумерации достигает шести цифр. Основных же тезисов семь (с нумерацией глубиной один, т. е. состоящей из одной цифры), и, чтобы дать представление о содержании трактата, имеет смысл привести некоторые из них: 1. Мир есть все, что происходит. 3. Мысль — логическая картина факта. 4. Мысль — осмысленное предложение. 5. Предложения — функции истинности элементарных предложений. 7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Задача трактата состоит в исследовании устройства «осмысленного» («правильного») языка и общей формы предложения. Л. Витгенштейн полагал, что предложения показывают, каково положение дел, благодаря своей логической структуре. И хотя обывденный язык не всегда дает нам возможность ясно видеть эту структуру, с помощью анализа можно вычленить элементарные предложения, которые соответствуют фактам. Между миром, состоящим из фактов, или событий, и языком, состоящим из предложений, может

быть установлено соответствие. Для этого прежде всего надо сопоставить элементарные факты и элементарные предложения. Далее по определенным формальным правилам исчисляются сложные предложения, которые являются истинностными функциями предложений элементарных. Таким образом, «осмысленный» язык сообщает о мире, об элементарных и сложных фактах.

В «Логико-философском трактате» содержится классическое определение понимания, т.е. тем самым фактически и смысла предложения, которое общепринято в логике, хотя и отличается от соответствующего лингвистического. Л. Витгенштейн писал, что «понимать предложение означает знать, что происходит, если оно истинно» (тезис 4.024).

Все предложения, которые лежат вне построенного таким образом языка, бессмысленны. Л. Витгенштейн настаивал на том, что предложения естественных наук осмысленны, в отличие от предложений математики и логики, с одной стороны, и предложений традиционной философии, с другой стороны. Предложения математики и логики следует считать тавтологиями: они всегда истинны, а следовательно, в соответствии с приведенным выше определением не имеют смысла (то же, кстати, относится и к противоречивым высказываниям). Предложения же традиционной философии бессмысленны и просто невозможны, поскольку нарушают границы правильного языка. Бессмысленность самого языка традиционной философии и обсуждения метафизических проблем автор по существу распространяет и на свой труд, заканчивая его знаменитой фразой: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

«Логико-философский трактат» оказал значительное влияние на современную ему философию и задал концепцию философии логического анализа. Наиболее полно и программно она реализовалась в работах представителей Венского кружка и близких к нему ученых. Взгляды же самого Л. Витгенштейна претерпели в дальнейшем значительные изменения и во многом легли в основу лингвистической философии, о чем будет сказано ниже.

В 1922 г. австрийский философ М. Шлик организовал семинар при кафедре философии индуктивных наук Венского университета, на основе которого в конце 20-х годов и возник Венский кружок — объединение философов, математиков и других ученых. В работе Венского кружка приняли участие Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Ган, К. Гёдель и др. С Венским кружком тесно сотрудничали и ученые других стран, среди которых прежде всего надо назвать группу берлинских философов, включающую Х. Рейхенбаха, К. Гемпеля и др. В 1929 г. Р. Карнап, Г. Ган и О. Нейрат опубликовали манифест Венского кружка, а с 1930 по 1939 г. венские ученые вместе с берлинскими коллегами издавали журнал «Erkenntnis». В его первом номере была опубликована статья М. Шлика «Переворот в

философии». Позднее, в 30-е годы, многие из участников кружка эмигрировали в США, где продолжили осуществление своей программы, сотрудничая с такими американскими философами, как Ч. Моррис и Дж. Дьюи.

Философская доктрина Венского кружка получила название **логического позитивизма** или **логического эмпиризма**. Переворот в философии, декларируемый логическими позитивистами, заключался в постановке новых задач философского исследования и установлении его новых принципов. Философия интерпретировалась ими исключительно как логика науки, задача которой состоит в логическом анализе языка науки, т.е. ее суждений и понятий. Анализ направлен на устранение всего метафизического, а именно того, что свойственно традиционной философии. Кроме того, анализ выявляет структуру научного языка вообще, а в его рамках — набор базисных эмпирически проверяемых понятий и суждений, так называемый **протокольный язык** (язык записи непосредственных ощущений). Понятие протокольного языка развивает идею атомарных предложений Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Важную роль для построения «правильного» языка науки играют также понятия синтетических (эмпирически проверяемых) и аналитических (тавтологических) предложений, подробно рассмотренные в «Логико-философском трактате». Синтетические предложения относятся к компетенции конкретных эмпирических наук, и для установления истинности их следует подвергнуть эмпирической проверке — **верификации**. Верификация стала одним из основных понятий логического позитивизма. Согласно **принципу верификации** всякое научно осмысленное утверждение о мире сводимо к совокупности протокольных предложений, фиксирующих, как уже сказано, данные чистого опыта.

В связи с этим логические позитивисты говорят о создании единого языка для всех наук или, иначе говоря, для науки вообще. Унификация языка науки может строиться, по их мнению, на основе языка физики (так называемый **физикализм**). Так, О. Нейрат полагает, что социология «переводима» на физический язык и, в частности, поэтому является продолжением физики. Позднее, в 30-е годы, на основе идеи унифицированного языка науки возникает проект «Международной энциклопедии единой науки».

Еще один из основных принципов логического позитивизма — это **конвенционализм**. Конвенционализм означает, что научное познание опирается на произвольные соглашения (конвенции) между учеными, выбираемые с точки зрения удобства, целесообразности и т.д. Таким образом, выбор исследователем логического языка в принципе свободен, но после того, как он сделан, язык во многом определяет развитие научной теории. Наиболее последовательно развивали в своих работах конвенционализм Р. Карнап и представитель львовско-варшавской школы польский

логик К. Айдукевич. К. Айдукевич разрабатывал «радикальный конвенционализм», утверждая, что картина мира в науке полностью зависит от выбора понятийного аппарата. В отличие от участников Венского кружка он отрицал наличие нейтрального (независимого от понятийного аппарата) протокольного языка и, таким образом, приходил к взаимонепереводимости различных теорий.

Самый влиятельный и яркий представитель логического позитивизма Р. Карнап сформулировал в связи с этим **принцип толерантности** (терпимости). Он утверждал, что в логике нет моральных предписаний и каждый может строить собственную логику, т. е. в основу научной теории можно положить любую систему аксиом и синтаксических правил. Р. Карнап, будучи одним из идейных вдохновителей Венского кружка, прошел долгий и изменчивый философский путь. Эмигрировав в США, он отказался от многих взглядов, характерных для венского периода. Изменились и взгляды Р. Карнапа на семантику. Так, вначале он утверждал, что логика науки представляет собой анализ чисто синтаксических связей, и занимался теорией логического синтаксиса и созданием языка расширенного исчисления предикатов. Позднее под влиянием идей польского логика А. Тарского, также эмигрировавшего в США, он пришел к выводу о необходимости учета и исследования семантических отношений, т. е. отношений между языком и предметной областью, которую тот описывает. Р. Карнап разработал теоретический аппарат формальной семантики, основанный на понятиях «интенционал» и «экстенционал»¹, и предложил так называемые **постулаты значения** — особый способ описания значения слов.

В ряду многочисленных критиков логического эмпиризма следует отметить одного из самых авторитетных современных философов К. Поппера. Среди основных задач философии он называет различение научных и ненаучных высказываний в частности и научных и ненаучных теорий знания вообще. Он отверг предложенный логическими позитивистами принцип верификации, поскольку эмпирическая проверка в силу ее индуктивности в принципе не может служить окончательным доказательством (всегда могут найтись новые факты, опровергающие теорию). Вместо верификации К. Поппер предложил понятие **фальсификации**, или **принцип фальсифицируемости**. Согласно этому принципу утверждение или теория научны только в том случае, если они принци-

¹ Соответствующие английские термины «intensional» и «extensional», используемые в логической литературе, традиционно переводились на русский язык как «содержание» и «объем» какого-либо понятия. Именно при переводе книги Р. Карнапа «Значение и необходимость» (1959) были использованы новые термины «интенционал» и «экстенционал» там, где у автора имело место расширение и уточнение соответствующих английских терминов. В лингвистической литературе на русском языке используются только новые термины.

пиально опровержимы (фальсифицируемы). Если же в теории не заложен механизм такого возможного в принципе опровержения, она не научна. К подобным ненаучным теориям К. Поппер относил, например, марксизм и фрейдизм.

Подводя итог обсуждению философии логического анализа (и логического позитивизма, в частности), следует сказать, что она оказала огромное влияние не только на философию, но и на логику, и на лингвистику. Так, многие идеи структурной лингвистики — одного из самых значительных направлений лингвистики XX в., имеют истоки в рассмотренном философском подходе. Вместе с тем необходимо признать, что анализ как конкретная исследовательская программа, наиболее отчетливо проявленная в логическом позитивизме, и прежде всего в деятельности Венского кружка, так и не был доведен до конца. По-видимому, полная и окончательная реализация этой программы в принципе невозможна, на что указывают многочисленные критики логического анализа, иногда условно объединяемые в рамках **постпозитивизма** (К. Поппер, У. Куайн, Р. Рорти и др.). Условность и термина, и самого объединения заключается в том, что речь идет о совершенно разных теориях, общей частью которых является лишь критика и пересмотр принципов неопозитивизма.

Отход от логического анализа и его критика характерны и для работ «позднего» Л. Витгенштейна. Он по-прежнему рассматривает философию как деятельность, направленную на исследование языка, однако отказывается от задачи создания идеального языка. Основной целью объявляются изучение обыденного естественного языка и прояснение его семантики и механизмов употребления. Объектом изучения становится не столько система языка, сколько речевая коммуникация в различных обстоятельствах и социальных условиях. Философам приписываются особые «терапевтические» задачи, а именно устранение философских обобщений и подобных лингвистических злоупотреблений.

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн вводит понятие **языковой игры**, понимаемой им чрезвычайно широко: по сути просто как формы языкового взаимодействия по определенным правилам. Смысл же языковой единицы он отождествляет со множеством ее употреблений в рамках языкового взаимодействия. Идеи Л. Витгенштейна, преподававшего с 1929 г. до конца жизни в Кембридже, а также «философия здравого смысла» английского философа Дж. Мура легли в основу лингвистической философии. «Философия здравого смысла» подразумевает существование некоторых общих для большинства людей и достоверных знаний. Эти бесспорные истины фактически встроены в систему языка, так что их отрицанию препятствует не только здравый смысл, но и сам язык. Именно поэтому возникает, по Муру, парадоксальность утверждений типа *Идет дождь, но я в это не верю*.

Свое развитие лингвистическая философия получила в Кембриджском (Дж. Уисдом) и более всего в Оксфордском университетах (Г. Райл, Дж. Остин, П. Ф. Стросон, П. Грайс). Именно в рамках оксфордской школы были получены самые значительные лингвистические результаты.

По сравнению с логическим анализом в лингвистической философии изменились и цели, и методы. Основным объектом исследования вместо языка науки стал обыденный язык. Задача реформирования языка и устранения из него метафизики была фактически снята. Принципиально не ставилась также задача использования при анализе специальных формальных средств. С лингвистической же точки зрения особенно важно, что внимание исследователей переключилось с утверждений на другие типы высказываний.

Представитель оксфордской школы Дж. Остин считал, что главной задачей философии является прояснение выражений обыденного языка, подразумевающее, в частности, анализ неверного употребления языка. Он утверждал, что философия и лингвистика должны взаимодействовать, в результате чего станет возможным возникновение новой объединяющей их науки. Дж. Остин обратил внимание на особый тип языковых выражений, которые по существу являются действиями (а не описаниями действий), и назвал их перформативами. Обобщив понятие перформативности для всех высказываний (так называемая прагматическая рамка), Дж. Остин создал новый раздел лингвистики — **теорию речевых актов**. Это, безусловно, стало одним из самых крупных вкладов в теорию языка, который когда-либо делали философы.

Свое развитие теория речевых актов получила в работах американского философа Дж. Сёрла, который, впрочем, активно полемизировал с лингвистическими философами.

Еще один оксфордский философ П. Ф. Стросон в своих ранних работах критиковал семантическую теорию истины. По Стросону, истина субъективна и определяется относительно намерений говорящего. П. Ф. Стросон утверждал, что аппарат формальной логики недостаточен, чтобы выразить все свойства обыденного языка и речи. Одно из основных лингвистических достижений философа связано со строгим различением единиц языка и речи. На последовательном различении соответствующих единиц основывается лингвистическая теория референции. Наконец, П. Ф. Стросон развил рассмотренное Г. Фреге понятие пресуппозиции.

Более молодой представитель оксфордской школы П. Грайс противопоставил традиционным понятиям значения предложения или слова некое особое значение говорящего. Значение говорящего заключается в его намерении воздействовать на слушающего посредством раскрытия тому данного намерения. В своей знаменитой статье «Логика и языковое общение», опубликованной в 1975 г., ученый сформулировал понятие имплицатуры (экс-

плицитно не сообщаемое, но подразумеваемое), а также принципа кооперации и коммуникативных постулатов. По существу, П. Грайс предложил новую концепцию прагматики и описал соотношение семантики и прагматики при речевом общении.

Наконец, одним из важнейших с точки зрения лингвистики достижений оксфордской школы является логико-семантическая классификация английских глаголов, предложенная З. Вендлером. Именно она легла в основу многочисленных классификаций предикатов и глаголов различных языков мира.

Постепенно наметилось ослабление противопоставления философии логического анализа и лингвистической философии. Так, пристальное внимание к обыденному языку вполне сочетается с разработкой формального логического языка, который, впрочем, рассматривается уже не как цель исследования, а, скорее, как инструмент описания. Конкретные формальные системы анализируются в следующей главе, посвященной логической семантике. Прежде чем перейти к ней, следует еще назвать представителей **аналитической философии**, отстоящих от указанных направлений.

Американский философ У. Куайн, представитель прагматизма, занимался как логическим анализом с использованием формального языка, так и проблемами обыденного языка. Именно он предложил различать слабую (теория смысла) и сильную (теория референции) семантики. Первая оперирует понятиями «смысл», «синонимия», «интенционал», а вторая — «именование», «истинность», «экстенционал» и т. д. У. Куайн критиковал многие положения логического позитивизма, в том числе разделение суждений на синтетические и аналитические. Он утверждал, что эмпирическим путем проверяется не отдельное предложение, а лишь теория или, более общо, система взаимосвязанных утверждений. Американский философ поднял важнейшую для лингвистики методологическую проблему — проблему непереводимости естественных языков друг в друга. Идеи У. Куайна получили продолжение в работах других философов, например Д. Дейвидсона, совместившего их с несколько пересмотренной теорией А. Тарского.

Неверно было бы считать, что философские размышления о языке в XX в. сводятся к аналитической философии. Достаточно назвать таких философов, как Э. Гуссерль, Г. Гадамер, Ю. Хабермас, Ж. Деррида и др. Однако трудно сравнить их влияние на лингвистическую и логическую семантики с влиянием различных представителей и школ аналитической философии. Это и определило содержание данной главы.

Необходимо отметить основную тенденцию современной философии языка — ее движение по направлению к прагматике. Но и при этом расширении сферы интересов науки сохраняется по-

стоянное использование различных формальных языков. Формальные языки станут предметом рассмотрения в следующей главе, посвященной логической семантике. Однако, поскольку в основе того или иного формального подхода всегда лежит особая философская идея или методология, такое разделение на логику и философию весьма условно.

Рекомендуемая литература

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 1—73.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. С. 73—319.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985. С. 217—237.

Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.

Козлова М. С. Аналитическая философия // История философии: Запад — Россия — Восток (Кн. 3. Философия XIX—XX вв.). — М., 1998. С. 212—246.

Куайн У. В. О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 18. Логический анализ естественного языка. — М., 1986. С. 24—98.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. — М., 1986. С. 22—129.

Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1986. С. 41—54.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.

Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 380—396.

Sprachphilosophie: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. von M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz, G. Meggle. — Berlin; New York, 1992 — 1. Halbbd., 1995 — 2. Halbbd.

Vendler Z. Linguistics in philosophy. — Ithaca; New York, 1967.

ГЛАВА 3

ЛОГИКА

В этой главе кратко рассматривается развитие логической семантики и возможности использования ее результатов лингвистами. Однако прежде необходимо отметить два принципиальных терминологических расхождения между логикой и лингвистикой, которые иногда приводят к недоразумениям и взаимонепониманию между представителями этих наук. Речь идет об основных терминах семантики — «семантика», «смысл» и «значение». Уже говорилось о том, что лингвисты, как правило, используют термины «смысл» и «значение» как синонимы, если речь идет о смысле/значении какого-либо языкового знака. Это верно для обычного и общепризнанного употребления (при том, что существуют индивидуальные отличия и конкретные предложения по перепределению этих терминов). В логической же и семиотической традиции они различаются. Это различие восходит к работам Г. Фреге. Оно было развито и доопределено в классической статье американского логика И. Льюиса о видах значения (1943 г., рус. перевод в 1983 г.). В самом общем виде можно сказать, что лингвистическому пониманию соответствует логический термин «смысл», а логический термин «значение» близок к лингвистическим «денотату» или «референту»¹, т. е. обозначает объект или фрагмент реальности², называемый соответствующим языковым знаком.

Совершенно по-разному понимается в логике и лингвистике и термин «семантика». Логическое понимание этого термина совпадает с принятым в семиотике. Если же использовать предложенное У. Куайном разделение семантики на сильную и слабую (об этом говорилось в предыдущей главе), то логическая семантика — это сильная семантика, а лингвистическая — слабая. Для логиков семантика противопоставлена прежде всего синтаксису и связана с интерпретацией языка, т. е. с соотношением языковых выражений с объектами из предметной области, в частности с объектами действительности. Одной из главных задач логической семантики следует считать создание моделей (в логическом смысле) языка, и в том числе истинностную оценку высказываний языка.

¹ Именно термин «денотат» выбран переводчиком-лингвистом для перевода на русский язык фрегевского термина «Bedeutung» 'значение'.

² По Фреге, денотатом высказывания является его истинностное значение.

Для лингвистов основная задача семантики — описание смысла языковых выражений — заключается главным образом в сопоставлении данному выражению (слову, предложению и т. д.) его семантического представления, т. е. записи на некоем метаязыке. В частном случае в качестве метаязыка может фигурировать логический язык — язык первого порядка или же более мощные логические языки. Таким образом, лингвисты в своих семантических исследованиях иногда используют результаты деятельности логиков, однако прежде всего синтаксической деятельности, поскольку сам по себе логический язык (без интерпретации его в какой-либо предметной области) является результатом чисто синтаксических (с точки зрения логики) правил. Впрочем, чаще лингвисты пользуются лишь фрагментами логической записи, среди которых необходимо отметить в первую очередь стандартные логические связки: \neg (отрицание, *не*); $\&$ (конъюнкция, *и*); \vee (дизъюнкция, *или*); \supset (импликация, *если... то*), — а также кванторы: \forall (квантор всеобщности, *для всех*); \exists (квантор существования, *существует*)¹.

Итак, лингвистическая семантика — это по преимуществу слабая семантика (в смысле У. Куайна), даже если речь идет о лингвистической теории референции.

Несмотря на сказанное и определенную несовместимость логической (формальной) и лингвистической семантик, первая представляет для лингвистики большой интерес, особенно если речь идет о теориях значения естественного языка.

Фундамент современной логической семантики, как уже сказано, был заложен работами Г. Фреге. Именно он заговорил об интерпретации формальных систем, о процедуре приписывания каждому предложению его истинностной оценки, основанной на условиях истинности данного предложения. Г. Фреге также сформулировал **принцип композициональности (композиционности)**, играющий огромную роль в истинностной оценке языков с бесконечным количеством предложений. Данный принцип позволяет построить интерпретацию сложных предложений, основываясь на интерпретации набора простых предложений и правил комбинирования (его формулировку см. в преамбуле к главе 10).

Решающий шаг в создании формальной семантики сделал польский логик А. Тарский, представитель львовско-варшавской школы, позднее эмигрировавший в США. Он сформулировал определение истинностной оценки, связанное с понятием условий истинности, следующим образом:

S истинно тогда и только тогда, когда P.

¹ Естественно, при этом используются и стандартные правила записи — скобки и т. д.

В формуле Тарского S — предложение интерпретируемого языка, а P — условия истинности, записанные на метаязыке¹. Так, фраза *Петербург — столица России* истинна тогда и только тогда, когда выполняются следующие условия истинности: Петербург является столицей России. Эти условия истинности выполнялись определенный период времени, а именно с 1712 по 1914 г. — до переименования города в Петроград. В настоящий момент они также не выполняются, так что суждение ложно. Некоторые проблемы возникают для всегда истинных и всегда ложных предложений. Так, можно сказать, что

Саратов — столица России истинно тогда и только тогда, когда Ливерпуль — столица Великобритании.

Поскольку сформулированные таким образом условия истинности никогда не соблюдаются, то и анализируемое предложение всегда ложно, что, собственно, и требуется. Напротив, всегда соблюдаются условия истинности в следующей формуле:

Пушкин — автор «Евгения Онегина» истинно тогда и только тогда, когда Достоевский — автор «Преступления и наказания».

Таким образом, анализируемое высказывание всегда истинно.

И все же, несмотря на то что, согласно этим формулам, всегда ложное предложение оценивается как всегда ложное, а всегда истинное как всегда истинное, совершенно очевидно, что такие условия истинности никак содержательно не связаны со значением самих предложений. Чтобы избежать подобной неадекватности, задаются определенные аксиомы, позволяющие конструировать условия истинности в соответствии со значением предложения.

Выделяются три типа аксиом. Аксиомы для имен соотносят имена с конкретными объектами (имя *Саратов* соотносится с городом Саратовом). Аксиомы для предикатов сообщают о том, какие объекты удовлетворяют каждому предикату (предикату *быть столицей России* удовлетворяют города, являющиеся столицей России). Третий тип — это аксиомы для синтаксических структур, которые связывают имена и предикаты, а также более сложные языковые единицы (высказывание вида $A — B$ истинно тогда и только тогда, когда объект, с которым соотносится A , удовлетворяет предикату B). Эти аксиомы и позволяют вывести конкретную формулу истинности для конкретного предложения:

¹ При этом в действительности, как видно из следующих примеров, может использоваться один и тот же язык, но это значит лишь то, что он выступает в разных функциях — языка-объекта и метаязыка.

Саратов — столица России истинно тогда и только тогда, когда Саратов — столица России.

Такой аксиоматический подход позволяет формализовать некоторые интуитивно ощущаемые связи между значениями разных предложений. Так, синонимичными следует считать предложения, у которых совпадают (соответствуют одному и тому же положению дел) условия истинности, например фразы *Петя — Машин муж* и *Маша — Петина жена*. Также формализуемы в этих рамках понятия противоречивости, аномальности и др.

Центральным понятием формальной семантики стало понятие условий истинности. Именно поэтому сам подход часто называется семантикой условий истинности (truth-conditional semantics), хотя более распространен русский термин **теоретико-истинностная семантика**. Сам А. Тарский занимался семантикой логических языков, однако, поскольку он ставил задачу описания языков с бесконечным множеством предложений (а именно такими свойствами обладает естественный язык) с помощью конечных средств, его подход стал прообразом формальной семантики естественного языка.

Семантика условий истинности для естественного языка на основе идей А. Тарского была построена Д. Дейвидсоном. На этой же основе с использованием понятия «модель» строится и теоретико-модельная семантика. Если говорить не вполне строго, то модель языка есть предписание, сопоставляющее символам языка объекты из предметной области, например из реального мира. Таким образом, модель задает истинностную оценку предложений языка и можно говорить об истинности того или иного предложения в данной модели. Можно также говорить о естественных моделях, т. е. очевидных и разделяемых всеми без специальных оговорок, так сказать «по умолчанию».

Так, приведенное выше предложение *Петербург — столица России* ложно в естественной для нас сегодня модели. Однако в естественной для девятнадцатого века модели оно было истинно. Следует отметить, что в любой модели тавтологии истинны, а противоречивые предложения ложны.

Среди расширений теоретико-модельной семантики нужно назвать **семантику возможных миров**. Развитие модальной логики и введение новых связей типа строгой импликации (*с необходимостью если... то*), операторов необходимости (*необходимо, что*) и возможности (*возможно, что*) потребовало развития и особой «модальной» семантики. Ключевым для этой логической теории стало понятие возможного мира. Оно восходит к работам Г. Лейбница. Р. Карнап уточнил это понятие, связав его с необходимостью: необходимым считается такое высказывание, которое истинно во всех возможных мирах. Окончательная интерпретация

возможного мира как термина современной логики принадлежит американскому ученому С. Крипке. Он первым заговорил о возможном мире не в абсолютном понимании, а по отношению к какому-либо другому миру. Так, для семантической интерпретации языка задается множество возможных миров и отношение достижимости одного из другого (или отношение связанности одного с другим).

Необходимость чего-либо в данном мире означает его присутствие во всех возможных мирах, достижимых из данного, а возможность чего-либо в данном мире — существование хотя бы одного мира, достижимого из данного, где это что-то присутствует. Если использовать эту семантику для естественного языка, то она позволяет объяснить различие между фразами *Доктор Ватсон — друг Шерлока Холмса* и *Доктор Ватсон — друг профессора Мориарти*, при том, что в реальном мире не существует ни доктора Ватсона, ни Шерлока Холмса, ни профессора Мориарти. Однако многим известен, по крайней мере, один возможный мир (мир произведений А. Конан Дойла), в котором эти люди существуют и в котором первое предложение истинно, а второе ложно. Точно так же можно говорить об определенных свойствах и действиях кентавров или сатиров, потому что всем известен мир древнегреческих мифов (или миры, если вспомнить о разных источниках, иногда противоречащих друг другу), в которых они существуют.

Ученик А. Тарского американский логик Р. Монтегю значительно усложнил и синтаксис, и семантику формального языка, с тем чтобы использовать его для описания естественного языка. Фактически Р. Монтегю совместил в единой теории синтаксис и семантику (или, если говорить с лингвистической точки зрения, синтаксис, слабую и сильную семантики), установив правила соответствия между ними и формализовав, в частности, понятия интенционала и экстенционала. Интенционал при этом определяется как функция от возможных миров к экстенционалам. Таким образом, интенционал некоего выражения является своего рода инструкцией, позволяющей в каждом возможном мире устанавливать экстенционал данного выражения. Из предшествующих попыток такого совмещения следует назвать работы Р. Карнапа, различавшего аналитическую и фактическую истины. Однако именно Р. Монтегю наиболее последовательно применил формальное описание к естественному языку в целом, а не только к его отдельным фрагментам, полагая, что по существенным свойствам естественные языки не отличаются от формальных. Так, одна из работ Р. Монтегю называется «English as a formal language» («Английский как формальный язык»). Применение принципа соответствия синтаксических и семантических правил к описанию естественного языка называют подходом «правило-на-правило» (англ. «rule-by-rule» или «rule-to-rule»).

Работы Р. Монтегю, опубликованные в 60-х и самом начале 70-х годов XX века (он умер в 1971 г.), предлагают новый подход к формальному описанию естественного языка, который получил название грамматики Монтегю. Грамматика Монтегю стала отправной точкой для развития чрезвычайно плодотворного междисциплинарного направления исследований, объединившего математиков, лингвистов и философов. Именно это направление в первую очередь и называют сегодня **формальной семантикой** (иногда, впрочем, данное название используют несколько шире: по существу, как синоним вообще логической семантики, применяющей формальные методы). Среди наиболее известных ученых, работающих в области формальной семантики, можно назвать М. Крессвелла, Л. Карттунена, Д. Льюиса, Б. Парти.

Особый интерес представляют и такие виды логических семантик, как ситуационная и теоретико-игровая.

Ситуационная семантика основное развитие получила в работах Дж. Барвайса. Ее методологической основой стала идея о том, что значение языковых выражений зависит от контекста в самом широком смысле этого слова, т. е. не только от собственно контекста, но и от ситуации, в которой происходит речевое общение. Прежде всего это касается индексальных слов и выражений типа *Я пришел сюда только сейчас*. Это предложение обозначает совершенно разные события в зависимости от того, кто, когда и где это произносит. Индексальные знаки *я*, *здесь* и *сейчас* принимают свои значения (в логическом смысле) в зависимости от реальной ситуации общения. Однако зависимость от контекста (в широком смысле слова) характерна не только для индексальных языковых знаков — в той или иной степени она затрагивает все языковые выражения. Ситуационная семантика ставит задачу формализовать это свойство языка с помощью связывания предложений с ситуациями, причем под последними имеются в виду и ситуации общения, и собственно описываемые ситуации. Таким образом, при этом подходе центральным в описании стало понятие ситуации и его различные модификации.

Принципиальное отличие ситуационной семантики от рассмотренных выше формальных теорий состоит в том, что предложениям языка сопоставляются не условия истинности и истинностная оценка, а ситуации или различные их аналоги.

Можно сказать также, что значением предложения признается отношение между употреблением предложения и ситуацией, которую оно описывает.

Несколько в стороне от предложенных подходов находится **теоретико-игровая семантика**, разработанная финским логиком Я. Хинтикой. Для него языковые игры — это деятельность, которая типично окружает слово и из которой слово получает свое значение. Фактически в этой модели формализуется понятие игры,

введенное Л. Витгенштейном. Я. Хинтикка основывается на идеях операционализма, состоящих в том, что высказать некоторое утверждение означает сделать предсказание относительно результата операций, связанных со словами данного утверждения. Следовательно, словам нужно приписать определенные операции.

Чтобы выяснить, какие языковые игры связывают язык с миром, Я. Хинтикка обращается к интерпретации кванторов всеобщности и существования. С этими кванторами связана деятельность, передаваемая глаголами *искать* и *находить* и выражениями типа *данное*. Так, утверждение, что все лебеди белые, фактически означает, что нельзя *найти* небелого лебедя. Утверждение же, что существуют черные лебеди, означает, что можно *найти* черного лебедя. Интерпретация кванторов представляется как игра, в которой участвуют два игрока — Я и Природа. В том случае, если удастся верифицировать соответствующее языковое выражение, выигравшим считается Я. Если же оно оказывается фальсифицированным, то выигрывает Природа. Игровая интерпретация распространяется и на другие логические связки. Таким образом, каждому предложению сопоставляются не условия истинности, а игра между Я и Природой. Существенно также, что семантический анализ в рамках теоретико-игровой семантики происходит не от простого к сложному, а от сложного к простому.

В этом кратком обзоре наиболее известных направлений логической семантики не ставилась задача продемонстрировать их формальный аппарат. В большинстве случаев (особенно в грамматике Монтегю) он достаточно сложен и требует определенных предварительных знаний. Поэтому речь шла лишь об основных содержательных принципах и методологических рамках. Нужно понимать также, что в основе любого логико-семантического подхода лежит определенная философская концепция языка и речи, иногда подчеркивание и даже абсолютизирование каких-то определенных черт речевого общения. Некоторые из наиболее плодотворных идей и философских систем упоминались в предыдущей главе. Среди ученых, оказавших наибольшее влияние на современную логику, — Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап и А. Тарский.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что логическая семантика, будучи сильной семантикой, описывает интерпретацию не языка как системы, а непосредственно употребления языка, т. е. задает интерпретацию речевой деятельности. Еще одно важное противопоставление логики и лингвистики связано с тем, что предметом классической лингвистической семантики всегда было слово, в логике же в центре внимания находится предложение (точнее сказать, высказывание, т. е. предложение, произнесенное в определенной речевой ситуации). Именно поэтому влияние логической семантики на лингвистику происходит прежде всего в области прагматики и теории референции, а не в классических

исследованиях по лексической семантике (в них, как уже сказано, используются, скорее, результаты логического синтаксиса). Активное проникновение идей философской и логической семантики в лингвистику фактически способствовало расширению лингвистических интересов и созданию таких новых лингвистических областей, как теория референции, прагматика и теория речевых актов.

Рекомендуемая литература

- Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959.
- Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Проблемы референции. — М., 1982. С. 340—376.
- Льюис К.И. Виды значения // Семиотика. — М., 1983. С. 211—224.
- Павленко Р.И. Проблема смысла. — М., 1983.
- Тондл Л. Проблемы семантики. — М., 1975.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. Opera selecta. 1997. С. 351—380.
- Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. — М., 1980.
- Черч А. Введение в математическую логику. — М., 1960.
- Cann R. Formal semantics. — Cambridge, 1993.
- Formal semantics: the essential reading / Ed. by P. Portner, B. H. Partee. — Oxford, 2002.
- Handbook of contemporary semantic theory / Ed. by S. Lappin. — Oxford, 1996.

ГЛАВА 4

ОБЩАЯ СЕМАНТИКА

Термин «общая семантика» часто используется для обозначения лингвистической семантики языка вообще, в отличие от «конкретных семантик», т. е. семантических теорий отдельных языков. Однако этот термин уже зарезервирован в истории человеческой мысли за одним философским и социальным движением, декларирующим в качестве своих целей оздоровление человека и общества путем определенных изменений в использовании языка. Едва ли можно говорить о принадлежности общей семантики к какой-либо науке. Она не предлагает никакой общей теории значения и языка, а, скорее, обращает внимание на отдельные черты употребления языка, приводящие к возникновению всевозможных индивидуальных и социальных проблем — от болезней до революций и других социальных катаклизмов. Общая семантика, по словам ее основателя американского ученого А. Кожибского, занимается нейросемантическими и нейролингвистическими реакциями конкретных людей и фактически представляет собой психотерапевтическую технику, направленную на улучшение использования естественного языка. Началом общей семантики можно считать публикацию в 1933 г. книги А. Кожибского «Science and sanity». Среди наиболее авторитетных представителей этого направления — А. Рапопорт, С. Хаякава, С. Чейз.

Общая семантика соединила в себе элементы различных учений. Так, А. Кожибский объявлял, что использует и развивает теорию условных рефлексов русского физиолога И. П. Павлова. Установка на верификацию высказываний сближает представителей общей семантики с неопозитивистами. То же можно сказать и об основной идее общей семантики — исправлении естественного языка.

Главная «семантическая» опасность, на которую указывали представители общей семантики, заключается в том, что навязываемая языком картина мира искажает реальность и подменяет ее. По мнению А. Кожибского, система языка навязывает двухвалентную (аристотелевскую) систему оценок: *либо X, либо не X*. В некоторых ситуациях это способствует формированию неврозов (например, *либо коммунист, либо не коммунист* — третьего не дано). Таким образом, для решения проблемы необходим переход к бесконечной шкале оценок. Другие принципы общей семантики, связанные с исправлением недостатков языка и его использованием, заключаются в следующем.

Во-первых, слово не тождественно вещи, которую оно называет. Поэтому нужно по возможности избегать употребления бытийной связки *есть* или хотя бы осознавать ее условность.

Во-вторых, «карта не есть территория», т.е. языковой знак не может полностью и адекватно представить соответствующий объект. Иначе говоря, языковое выражение не дает полной картины реального явления.

В-третьих, «карта карты также не есть первоначальная карта», т.е. метаязык не равен языку-объекту. Другими словами, анализируя естественный язык, мы еще более удаляемся от реальности. Передать реальность с помощью языка невозможно. А. Кожибский говорит, что достичь истинной объективности можно, лишь в молчании указывая пальцем на конкретные объекты, и тем самым почти повторяет высказывания Ф. И. Тютчева («Мысль изреченная есть ложь») и Л. Витгенштейна («О чем невозможно говорить, о том следует молчать»).

Тем не менее А. Кожибский предлагает конкретные приемы устранения недостатков языка и достижения так называемой экстенционализации — перехода от абстрактных понятий к конкретным объектам. Среди этих приемов — добавление к именам индексов и дат, а к языковым выражениям — *etc.* Английское сокращение *etc.*, восходящее к латинскому *et cetera*, соответствует русскому *и т. д.* (*и так далее*) и призвано напоминать о неполноценности языковых выражений («карта не есть территория»). Это сокращение дало название печатному органу Международного общества общей семантики — журналу «ЕТС», издаваемому с 1943 г. в Чикаго.

Использование индексов способствует освобождению носителей языка от многих предрассудков и проблем¹. Так, присоединение индексов к слову *еврей* решит проблему антисемитизма, а к слову *негр* — расизма и т. д. Нацисты, называя А. Эйнштейна евреем, пренебрегали его индивидуальными свойствами. Использование же слов *еврей*₁, *еврей*₂, *еврей*₃ и так далее даст возможность говорить о конкретных людях, например называть А. Эйнштейна «евреем₁», и учитывать его конкретные свойства, а не то единственное, которое подразумевается соответствующим словом.

Еще более конкретным сделают язык даты, приписываемые словам. Так, *Эйнштейн* (1880 г.) и *Эйнштейн* (1933 г.) — совершенно разные объекты реальности с разными свойствами.

Наряду с этими тремя приемами А. Кожибский рекомендовал особое использование знаков препинания, прежде всего кавычек. Кавычки, по Кожибскому, показывают, что мы отходим от использования слов для называния конкретных объектов и говорим об общих и абстрактных понятиях.

¹ Не следует путать эти индексы (своего рода технический прием) со знаками-индексами, рассмотренными в главе 1.

В целях той же экстенсинализации А. Кожибский изобрел техническое средство, названное им структурным дифференциалом или лестницей абстракций. А. Кожибский занимался, в частности, лечением больных шизофренией в одной из Вашингтонских больниц.

Последователи А. Кожибского много сделали для того, чтобы его теория стала более ясной и научной. В рамках общей семантики поставлена проблема взаимоотношения человека и языка, причем подчеркивается, что не только люди используют слова, но и слова используют людей. В 1954 г., в период маккартизма и борьбы с коммунистами в США, С. Чейз публикует книгу «The power of words», где в том числе показывает, насколько произвольно используется слово *communist* 'коммунист' и насколько плохо и поразному понимают американцы, что оно значит. Среди 197 опрошенных 123 человека вообще не знали его значения, другие же давали и такие определения, как «тот, кто хочет войны», и т.п. Название первой книги С. Чейза, вышедшей в 1938 г., также весьма красноречиво — «The tyranny of words» («Тирания слов»). Объектом исследования общей семантики стал язык как средство убеждения и манипулирования. Работы С. Чейза, С. Хаякавы и других представителей общей семантики во многом открыли новые исследовательские области, позднее освоенные представителями таких направлений, как критическая лингвистика и критический анализ дискурса (см. главу 9). Современная прагматика также имеет корни в общей семантике. И хотя о влиянии общей семантики на современную лингвистику надо говорить с большой осторожностью, очевидно, что многие ныне популярные темы и проблемы были затронуты А. Кожибским и его последователями.

Рекомендуемая литература

Chase S. The tyranny of words. — New York, 1938.

Chase S. The power of words. — New York, 1954.

Hayakawa S.I. Language in thought and action. — New York, 1949.

Korzybski A. Science and sanity: an introduction to non-Aristotelian systems and general semantics. — Lancaster, 1933.

ЧАСТЬ II

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В части I было показано, что термин «семантика» по-разному понимается в разных науках и областях человеческого знания. Но даже в рамках одной науки — лингвистики — он интерпретируется в двух различных смыслах.

Во-первых, этот термин обозначает смысл какого-то языкового знака или систему значений языка в целом. В таких сочетаниях, как *семантика слова*, *семантика предложения*, он близок термину «значение» (в основном из его значений!), правда, с более узкой сферой употребления¹. В употреблениях же типа *семантика английского языка*, *исследовать языковую семантику* и подобных им он фактически синонимичен терминологическому обороту «план содержания», который использовал датский лингвист Л. Ельмслев.

Во-вторых, термин «семантика» используется как название науки, изучающей семантику в первом смысле. Это значение присутствует в таких выражениях, как *лингвистическая семантика*, *ничего не понимать в семантике*, *учебник по семантике* и т. д.

Впрочем, наличие двух значений характерно для термина «семантика» и в рамках других наук (например, в логике) и по существу никогда не приводит к недоразумениям, поскольку из контекста очевидно, какое значение имеется в виду. Такое раздвоение значений наблюдается и у некоторых других терминов — названий разделов лингвистики — *грамматика*, *синтаксис* и т. д.

Перед лингвистической семантикой стоят как конкретные, так и достаточно общие задачи. Как уже было сказано, одна из основных семантических задач заключается в приписывании различным единицам языка их семантического представления. Иначе говоря, эту деятельность можно назвать экспликацией значения или переводом естественного языка на метаязык.

¹ Так, нельзя сказать *главная* или *вторая семантика этого слова* (ср.: *главное* или *второе значение*). Иначе говоря, термин «семантика» используется только по отношению к цельному и нечленимому на отдельные элементы значению языкового знака (цельному фрагменту плана содержания, соответствующего одному знаку). Таким образом, употребление данного термина больше похоже на употребление термина «смысл».

Но, кроме этой важнейшей и вполне конкретной задачи (она рассматривается в третьей части учебника), существуют общие и методологические задачи. Среди них — осмысление методов науки и ее теоретического и понятийного аппарата. Это также подразумевает исследование связи семантики в первом смысле с различными феноменами и понятиями.

Именно общие проблемы и рассматриваются в предлагаемой читателю части. Главы 6 и 7 посвящены главным понятиям семантики — «значение» и «метаязык». В главе 5 обсуждаются функции языка и изменение роли семантики в зависимости от использования языка в той или иной функции. Глава 8 представляет собой обзор основных методов лингвистической семантики. Наконец, в главе 9 рассматривается важнейшая метапроблема — связь семантики языка с «внешними» явлениями: культурой и мышлением.

Все эти проблемы относятся к разряду «вечных», т. е. не имеют окончательного и «правильного» (общепризнанного) решения. Л. Витгенштейн назвал бы их метафизическими, а К. Поппер — ненаучными, и тем не менее дискуссия по их поводу необходима для развития лингвистики. Кроме методологического и «вечного» обсуждения этих проблем, существует практическое и вполне «научное» к ним отношение. Ведь для реализации основной задачи — семантического описания единиц языка и речи — по многим из этих проблем приходится принимать совершенно конкретные (можно сказать, «рабочие») решения. Несмотря на неокончателность и необщепризнанность таких решений, они часто оказывают огромное влияние на развитие лингвистики и представляют значительный интерес.

ГЛАВА 5 ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Понятие функций языка, т. е. то, для чего мы используем язык, с философской точки зрения чрезвычайно важно. С точки зрения лингвистической семантики оно важно прежде всего постольку, поскольку роль семантики может довольно значительно меняться в зависимости от цели, с которой используется язык.

Действительно, совершенно разную роль играют значения слов, например, в газетном репортаже о футбольном матче, в такой игре, как «балда» (где значение вообще несущественно), или в стихах.

Едва ли четверостишие В. Маяковского можно понять (и пере-сказать своими словами!) в том же смысле, как мы понимаем газетную статью:

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людям страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

Этот текст по его «асемантической», по крайней мере, не уступает различным искусственным примерам семантически неправильных фраз типа *Colorless green ideas sleep furiously* — *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* (цит. по Н. Хомскому) или *Улыбка попрекала космос чернилами* (И. А. Мельчук). Тем не менее вряд ли можно спорить с тем, что стихи В. Маяковского представляют собой текст на русском языке, вполне нормальный с поэтической точки зрения. И этот текст, безусловно, может быть интерпретирован.

Естественная сложность обсуждения функций языка состоит в том, что способы использования языка столь разнообразны и многочисленны, что ни одна классификация не может считаться полной и удовлетворительной. Совершенно очевидно, что в некоторых классификациях разные функции могут сочетаться друг с другом, т. е. одновременно реализоваться в одном и том же речевом акте. Отдельные же функции строго противопоставлены друг другу и никогда не совмещаются.

Эта тема часто привлекает внимание ученых, поэтому общее количество функций языка, выделенных в разных работах, весьма велико. Однако не всегда удается даже отождествить две сходные функции, упомянутые в разных работах и названные по-разному, поскольку не всегда очевидны основания той или иной классификации. Простое перечисление описанных разными авторами функций создает впечатление хаоса и скорее приведет к путанице, чем к пониманию проблемы. Именно поэтому в настоящей главе упоминаются лишь несколько основных и общепризнанных функций, а также приводятся несколько очень разных по своим основаниям, но достаточно ясных в этом отношении классификаций. Надо подчеркнуть, что речь идет о функциях языка, а не отдельных единиц, поэтому вне рассмотрения остаются функциональная грамматика и некоторые другие направления, использующие в названии слова «функция» или «функциональный». Не обсуждается в этой главе и функционализм — противопоставленный формализму подход к языку, в основе которого действительно лежит понятие функции языка. Функционализм подчеркивает первичность и важность понятия функции языка, которая влияет в том числе и на саму систему. Дискуссия между функционалистами и формалистами — одно из самых напряженных и интересных противостояний в лингвистике XX в. (см. по этому поводу главу 17), однако ее рассмотрение увело бы нас слишком далеко от темы.

Основной и наиболее общепризнанной функцией языка является **коммуникативная**, т. е. использование языка для коммуникации, общения людей между собой. Более того, во многих направлениях и даже науках язык рассматривается исключительно с этой точки зрения. В качестве ярких примеров можно привести структурный и семиотический подходы. Именно поэтому классическая семантика ориентирована практически только на коммуникативную функцию. Причем обычно речевая коммуникация понимается достаточно узко — как передача информации от говорящего к слушающему.

Еще две функции — **когнитивная** и **эмоциональная** (экспрессивная) — основываются на понимании языка как инструмента самовыражения. В когнитивной функции язык выражает ментальную деятельность, т. е. деятельность сознания, а в эмоциональной — чувства и эмоции человека. Приходится, однако, признать, что эти функции не всегда легко различимы, а кроме того, обе они, по-видимому, в принципе совместимы с коммуникативной функцией. Тем не менее именно эти три функции языка различал В. фон Гумбольдт. Когнитивная функция, по Гумбольдту, состоит в оформлении мыслей и представлении фактов, экспрессивная — в выражении эмоциональных побуждений и ощущений, а коммуникативная реализуется в сообщении, полемике и взаимопонимании.

Обычно выделяются и некоторые другие функции не вполне с четким статусом, например **метаязыковая**, **контактоустанавливающая** (фатическая) и др.

Более строгие классификации построены на основе семиотического подхода вообще и исходя из структуры семиозиса (см. об этом в главе 1) в частности. Так, немецкий психолог и лингвист К. Бюлер выделил три функции языка, с обязательностью проявляющиеся в каждом акте речи: **экспрессивную**, которая соотносится с говорящим; **апеллятивную**, которая соотносится со слушающим; **репрезентативную**, которая соотносится с обсуждаемым предметом.

Наиболее последовательно интерес к проблеме функций проявляли представители Пражской лингвистической школы. В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г. русские лингвисты С. О. Карцевский, Р. О. Jakobson и Н. С. Трубецкой выдвинули телеологический принцип, согласно которому язык понимался как целенаправленная функциональная система. Позднее Р. О. Jakobson, основываясь на составных частях семиозиса, определил шесть функций языка. При установке на отправителя сообщения (говорящего) реализуется **эмотивная** функция; установке на адресата (стремлению вызвать у него определенное состояние) отвечает **конативная** функция; установке на сообщение (его форму) — **поэтическая** функция; установке на систему языка — **мета-**

языковая функция; установке на действительность — **референтивная** функция (также называемая денотативной или когнитивной); установке на контакт — **фатическая** функция.

Другой семиотический принцип использует Ю. С. Степанов, а именно членение семиотики на синтаксис, семантику и прагматику. Он различает три функции языка — **синтаксическую, номинативную и прагматическую**.

Совершенно иной подход к языковым функциям реализуется в рамках транзакционного анализа американского психолога Э. Берна. Он выделяет такие типы взаимодействия, как **времяпрепровождение, ритуал, игра и процедура**. Речевое взаимодействие является частным случаем взаимодействия вообще и, следовательно, может быть классифицировано таким же образом. Правда, не все функции языка обязательно связаны со взаимодействием, тем самым данная классификация заведомо не претендует на полноту. Впрочем, полнота не достигнута и ни в одной из других существующих классификаций.

Времяпрепровождение, по Берну, бесцельно и служит лишь для структурирования (заполнения) времени. Типичным времяпрепровождением можно считать случайный разговор со знакомым по дороге на работу (чтобы не молчать, поскольку это невежливо), разговоры о погоде за чашкой чая и т. д. По-видимому, если проводить параллели с другими классификациями, здесь реализуется фатическая функция: язык служит только для установления и поддержания контакта.

В речевых ритуалах, например при обмене приветствиями (*Привет! — Привет! — Как дела? — Ничего. А у тебя? — Нормально. Привет семье. — Спасибо. Будь здоров!*), собеседники, как правило, имеют какую-либо общую цель и жестко подчиняются существующим правилам обмена репликами. Так, нестандартный ответ на вопрос «*Как дела?*» — «*Плохо*» с последующим подробным объяснением по сути дела разрушает ритуал. Ритуал также, хотя и не обязательно, может быть связан с установлением контакта.

Игры невозможны без хотя бы минимального конфликта (впрочем, необязательно серьезного) между собеседниками, точнее, между их целями в разговоре¹. Для них характерен набор правил, необходимых, чтобы конфликт разрешился с каким-то результатом и речевое взаимодействие не забуксовало, например по причине упрямства собеседников. Вместе с тем, подчиняясь правилам, участники взаимодействия сохраняют в рамках этих правил полную свободу выбора реплик, что принципиально отличает игру от ритуала.

¹ Игра в таком понимании отличается от языковой игры, по Витгенштейну. Л. Витгенштейн понимал языковую игру значительно более широко.

В качестве примеров речевых игр можно привести следующие типы взаимодействия.

ФЛИРТ

(Любовная шуточная игра)

Он атакует. Она защищается. Он настаивает. Она отказывается. Он отступает. Она провоцирует его на новую атаку. Реплики должны быть остроумны и приятны. Грубость не допускается. Цель во флирте отступает обычно на второй план: важнее всего сам процесс игры.

ТОРГОВЛЯ

(Азартная денежная игра)

Продавец набавляет цену. Покупатель ее сбивает.

— Почем редиска?

— Пучок — 80 копеек.

— Нет, нет, это слишком дорого.

— На всем рынке нет лучшей редиски!

— Да у вас и не редиска вовсе, так, мелочь какая-то.

— Где вы видите мелочь, все редиски размером с булыжник.

— Ну хорошо, беру два пучка, но за полтора рубля).

Грубость, как и во флирте, запрещается. Кроме того, участники время от времени должны идти на компромисс.

К разряду логических языковых игр относятся богословский и научный диспуты.

Вообще, сравнение языка и речи с игрой имеет давнюю традицию. Кроме Л. Витгенштейна, его использовали Ф. де Соссюр, Р. Карнап и др. Формализованный вариант представлен в теоретико-игровой семантике Я. Хинтикки.

Наконец, четвертый тип взаимодействия — процедура. Это полезное взаимодействие, которое подразумевает сотрудничество собеседников для достижения общей цели, например для передачи информации. Процедурой можно считать рассказ о событиях, интересных для слушателей, и т. п. Как правило, при процедуре реализуется коммуникативная функция языка.

В принципе текстуально совпадающие речевые взаимодействия могут интерпретироваться по-разному в зависимости от целей и намерений участников. Урок в школе можно рассматривать как времяпрепровождение в том случае, если и учитель, и ученики участвуют в нем лишь потому, что обязаны это делать. При этом ученики ничему не учатся, а учитель ничему не учит. Урок является ритуалом, если его участники соблюдают определенные правила и подают вполне ожидаемые и стандартные реплики. Если ритуал соблюден, его результатом становится положительная оценка. Урок становится игрой, если учитель и ученики вступают в определенный конфликт, например если учитель ставит целью не научить

учеников, а показать им, что они ничего не знают. Однако наиболее желательной и для учителя, и для учеников была бы интерпретация урока как процедуры. В этом случае речь идет о действительном обучении, о передаче знаний от учителя к ученикам.

Очевидно, что роль семантики во всех этих четырех видах взаимодействия различна. Она варьирует от минимальной во время препровождения до максимальной в процедурах. Действительно, во время препровождения важен лишь сам факт речи, а не ее содержание. Говорить можно что угодно, поскольку собеседник, скорее всего, даже не слушает речь и не воспринимает смысла. Процедура же представляет собой нормальную коммуникацию, при которой осуществляется семиозис.

Сравнительно незначительную роль играет семантика при ритуале. Выбор реплик в ритуале весьма ограничен, и задача собеседников состоит по существу в повторе стандартных речевых ситуаций. Тем не менее в ритуале, как правило, допускаются синонимические замены, перифразирование и т. п., т. е. некоторые ограниченные семантические операции. Игры с семантической точки зрения близки к процедурам. Однако в играх могут поощряться различные семантические «неправильности»: каламбуры, двусмысленности и т. д., поскольку основная задача состоит не в передаче информации, а в достижении своего рода речевой победы над собеседником. Таким образом, классическая семантика, безусловно, ориентирована на изучение значения в условиях процедурного взаимодействия.

Иногда, говоря о функциях языка, обращаются к теории речевых актов. И хотя теория речевых актов исследует функции отдельных высказываний, а не языка в целом, такой подход имеет право на существование. Ведь говоря о функциях, имеют в виду употребление языка, т. е. речь. А высказывание, или, более общо, речевой акт, как раз и является единицей речи. Поэтому его назначение, его функции можно распространять и на весь язык. При таком подходе функциями языка считаются различные иллокутивные цели высказываний. Более подробно об этом рассказывается в главе 22, посвященной теории речевых актов.

Рекомендуемая литература

Берн Э. Игры, в которые играют люди. — М., 1988.

Бюлер К. Теория языка. — М., 1993.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. С. 193—230.